

Левша Кэт

Пока смерть не разлучит нас

Любовь сильнее проклятия

Lefty_Katerina –
Пока смерть не разлучит нас

«Литнет»

2026

– L.

Пока смерть не разлучит нас / L. – — «Литнет», 2026

Он смотрит на меня как на сделку. Я смотрю на него как на шанс. Матвей Горский — наследник империи «Сияние». Холодный, высокомерный, идеальный. Он никогда не был женат. Моя мать продала меня ему, чтобы спасти наш отель от банкротства. В роду Горских есть проклятие: первая жена всегда умирает. Я — его первая жена. Я — та, кого выбрали, чтобы я умерла. Его мать не хотела рисковать любимой Алисой. Поэтому она выбрала меня. Меня можно принести в жертву. Но в его доме тени шепчут моё имя. В зеркалах я вижу лица тех, кто был до меня. Они предупреждают: «Беги». Я не бегу. Я должна играть роль идеальной жены. Я должна улыбаться, когда он меня игнорирует. Я должна молчать, когда Алиса унижает меня на публике. Он взял меня в жёны не на год. Навсегда. Но я — Островская. Я не сдаюсь. Я сделаю этот брак своей победой. Я заставлю его полюбить меня. Я переживу проклятие. Я стала его первой женой. И я не позволю смерти разлучить нас. Планирую сделать платной

© – L., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. «Кулон для сделки»	5
ГЛАВА 2. «Первый шаг в клетку»	18
ГЛАВА 3. «Семейное гнездо»	31
ГЛАВА 4. «На пороге тайны».	46
ГЛАВА 5. «Экспозиция»	61
ГЛАВА 6. «Тени и отражения»	71
ГЛАВА 7. «Там, где кончается лёд».	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

ГЛАВА 1. «Кулон для сделки»

Я считаю долги.

Снова.

Каждый вечер — одно и то же. Сначала я делаю вид, что это просто бумажки. Потом начинаю складывать цифры. Потом понимаю: мы тонем.

Пачка квитанций — тонкая, но тяжёлая, как свинец. Красные цифры. Просроченные платежи. Штрафы. Пени. Я смотрю на них и чувствую, как внутри сворачивается узел. Тугой. Холодный. Я ношу его с собой уже три года. Он стал частью меня.

Отель «Хан» дышит на ладан. Я — его последняя сиделка.

Стены помнят отца. Я почти слышу его смех. Его голос, когда он водил меня по коридорам: «Смотри, дочка. Это наш дом. Он будет стоять вечно». Он ошибся. Отель стоит. А мы — тонем.

Я провожу пальцем по стойке ресепшн. Мрамор холодный. Гладкий. Наверху — пыль. Я не успеваю убираться. У меня нет времени. Я — директор отеля, бухгалтер, администратор, горничная и прислуга — всё в одном лице.

— Полина Сергеевна, всё готово для завтрашнего мероприятия.

Администратор возникает у стойки бесшумно, как тень. Молодая девушка, лет двадцать. Она ещё не знает, что через месяц мы не сможем платить ей зарплату. Я смотрю на её улыбку и чувствую себя предательницей.

— Хорошо. Я проверю сама.

Она исчезает. Я смотрю ей вслед и думаю: «Если бы ты знала, сколько нам осталось, ты бы не улыбалась».

Звонит телефон. Поставщик. Мужской голос, вежливый, но холодный, как сталь:

— Полина Сергеевна, вы обещали оплатить счёт до пятницы.

— Я знаю. Дайте мне ещё неделю.

— Я уже давал вам неделю. И позапрошлую неделю.

— Я заплачу. Всё будет.

— Вы так говорите каждый месяц.

— Потому что я каждый месяц плачу.

— Не всегда.

Я закусываю губу. Хочется сказать что-то резкое, но я сдерживаюсь. Он прав. Мы должны. Мы всегда должны. Когда-то мой отец был на его месте — он давал отсрочки тем, кто не мог заплатить. Теперь я на том конце провода. Я — та, кто просит. Карма — сука.

— Через неделю будут деньги, — говорю я.

— Я не верю вам, Полина Сергеевна.

— А вы и не должны. Просто подождите. Я всё решу.

Он вздыхает. Короткий, тяжёлый звук. Я слышу его усталость. Мне хочется провалиться сквозь землю. Вместо этого я сжимаю трубку и говорю:

— Договорились?

— Хорошо. Но это в последний раз.

— Спасибо.

Кладу трубку. И чувствую, что этот разговор высосал из меня все силы. Словно игла в вену. Медленно. Но верно.

— Хорошо, — говорю я в пустоту. — Следующий звонок. Кому я ещё должна? Ах да. Всем.

Иду по коридору. Каблуки стучат по паркету. Стук — ритмичный, одинокий. Здесь всегда тихо. Слишком тихо. Когда-то в этих стенах было многолюдно. Гости. Музыка. Смех. Теперь — только я.

Паркет скрипит. Где-то прорвало трубу — слышно, как капает вода. Это звук смерти отеля. Капля за каплей.

Я считаю шаги. Сорок три до банкетного зала. Я знаю это расстояние наизусть. Сколько раз я проходила его с отцом, когда он показывал мне каждую деталь?

— Здесь будет сцена, Полина. Мы будем проводить свадьбы. Банкеты. Праздники.

Он так гордился этим залом. А теперь он пустой. Скатерти накрыты для завтрашней помолвки. Моей помолвки.

Я сажусь за крайний стул. Смотрю на люстру. Она горит золотым светом. Дорогая. Красивая. Мёртвая. Вся моя жизнь теперь — мёртвая красота.

Завтра он вернётся.

Матвей Горский.

Мужчина, на котором я должна выйти замуж.

Я почти не помню его. Мы виделись в детстве на семейных мероприятиях. Он был старше, держался отдельно, смотрел на всех свысока. Я пряталась за мать, когда он проходил мимо. Он не замечал меня. И тогда, и сейчас.

— Ты — Полина? — спросил он однажды. Мне было двенадцать. Ему — шестнадцать. Я кивнула. Он усмехнулся. И ушёл. Вот и всё общение.

А теперь я должна стать его женой.

Мать уже всё решила. Она сказала: «Ты выйдешь за него. Я не позволю тебе всё разрушить». Как будто я — разрушительница. Как будто я не пыталась удержать этот отель на плаву последние три года. Как будто я не ночевала здесь, когда не могла уснуть от долгов.

Я выхожу замуж за Матвея Горского. Навсегда. Без права на развод.

Я выхожу замуж, чтобы спасти эту семью.

Я выхожу замуж, потому что у меня нет выбора.

Я смотрю на своё отражение в стекле. Тёмное платье. Уставшие глаза. Сжатые губы. Внутри — пустота. И где-то глубоко — гнев. Я пытаюсь его спрятать, но он всё равно просачивается.

— Я не хочу этого, — говорю я вслух.

Тишина. Отель молчит.

Я — Островская. Мы не сдаёмся. Даже если это значит — выйти замуж за того, кто мне безразличен.

Я сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони.

Завтра я улыбнусь ему. Я скажу: «Здравствуйте, Матвей». Я буду стоять рядом, как хорошая девочка. Я сыграю свою роль.

Но внутри я буду считать дни до того момента, когда смогу сказать: «Я свободна».

Только вот смогу ли я когда-нибудь это сказать?

Я выхожу из зала. Иду к выходу. Пора домой. Там ждёт мать. Она скажет: «Ты должна быть идеальной». Я скажу: «Я знаю». И мы обе будем врать.

Она будет врать, что делает это ради меня.

Я буду врать, что смирилась.

Я захожу в кабинет отца и закрываю за собой дверь.

Здесь пахнет бумагой и пылью. Старые папки, которые никто не открывал годами. Портрет отца на стене — он смотрит на меня сверху вниз. Я стараюсь не встречаться с ним взглядом. Он бы не одобрил то, что я собираюсь сделать.

Сажусь в его кресло. Оно слишком большое для меня. Когда-то оно было идеальным для него. Теперь я в нём тону. Как и во всём остальном.

Достаю телефон. Нахожу номер брата. Он у меня на быстром наборе. Я звоню ему почти каждый день. Не потому что я контролирую его. А потому что я хочу знать, жив ли он. Что он ест. Спал ли сегодня.

Стройка отнимает всё его время. Он там с утра до ночи. Он верит, что сможет спасти нас. Что если он дождёт, достроит, запустит, то всё наладится. Он всегда был таким. Упрямым. Верящим до конца. Как отец.

— Алло? — голос уставший. Я слышу шум стройки за его спиной. Гул машин. Скрежет металла. Крики рабочих.

— Егор, это я.

— Полин? — он замолкает на секунду. Я слышу, как он отходит от шума. Голос становится тише. — Полин, ты чего? Поздно уже. Ты не спишь?

— Не до сна.

Я молчу. Он ждёт. Мы всегда так делаем — я собираюсь с мыслями, а он ждёт. Терпеливо. Он всегда был терпеливым. Даже когда я кричу на него, он просто смотрит и ждёт, пока я выговорюсь.

— Мать сказала, — говорю я. — Я выхожу замуж за Матвея Горского.

Тишина. Только шум стройки и его дыхание. Я слышу, как он сглатывает.

— Она мне звонила, — говорит он тихо. — Сегодня утром.

— И ты молчал.

— А что я должен был сказать? «Нет, мама, я запрещаю»? — его голос становится жёстче. — Ты знаешь её. Она уже всё решила. И ты тоже решила, раз уж говоришь со мной.

— Я не решала, Егор. Мне не дали решать.

— Ты всегда можешь сказать «нет».

— Правда? — я усмехаюсь. Горько. — И что будет? Мы потеряем отель. Мы потеряем всё, что строили. Стройка встанет. Мать будет ненавидеть меня до конца жизни. И ты будешь смотреть на меня с этим своим вечным чувством вины. Замечательный план.

— Полин, не надо...

— Что «не надо»? — я сжимаю телефон. — Не надо говорить правду? Мы все знаем, что стройка — это была наша общая идея. Я голосовала «за». Мать тоже. Мы все верили, что получится. Но не получилось, Егор. И теперь я должна платить по счетам.

— Мы все должны платить, — голос у него становится жёстче. — Но не тобой. Не твоей жизнью.

— А кто заплатит? Ты? — я почти смеюсь. — Ты уже три года пытаешься. Строишь. Тянешь. Я знаю, сколько ты работаешь. Я знаю, что ты не спишь. Но дело не в том, кто виноват. Дело в том, что у нас больше нет времени. У нас нет денег. У нас нет выбора.

— Выбор всегда есть.

— Ты так говоришь, потому что не ты идёшь под венец.

Он замолкает. Я знаю, что сейчас происходит у него в голове. Он прокручивает все варианты. Он ищет выход. Он всегда ищет выход. Даже когда его нет. Он как отец. Он не умеет сдаваться. Но и не умеет признавать поражение.

— Я продам стройку, — говорит он.

— Ты не продашь стройку. Ты вложил в неё всё.

— Я найму инвесторов.

— Кого? Нам никто не даст денег, Егор. Ты знаешь.

— Тогда я... я поговорю с матерью.

— С ней бесполезно.

— А с ним? — его голос становится тише. — С Горским. Я поговорю с ним. Я попрошу его не жениться на тебе.

— Егор. — я закрываю глаза. — Ты серьёзно? Ты думаешь, он откажется от сделки ради меня? Он не знает меня. Мы не общались. Мы чужие люди.

— Но ты не хочешь этого.

— А кто хочет? Ты хочешь, чтобы я продавала себя? Мать хочет, чтобы я выжила любой ценой. Я хочу, чтобы мы не упали. Никто не хочет этого. Но это нужно сделать.

Я смотрю на портрет отца. Он смотрит на меня. Я помню, как он сидел в этом кресле и говорил: «Мы Островские. Мы не сдаёмся». Он не говорил «мы продаём своих детей». Он бы не одобрил.

Но его нет. А я есть. И я должна вытащить всех.

— Егор, — говорю я тихо. — Ты не виноват. Слышишь? Мы все ошиблись. Я тоже. Я голосовала за стройку. Я верила, что получится. И я не жалею. Потому что мы пытались. Но теперь... теперь всё по-другому.

— Полин...

— Я знаю, что ты хотел как лучше. Ты всегда хотел как лучше. И я тоже. Но иногда лучшее — это просто выжить.

Он молчит. Долго. Я слышу только его дыхание.

— Я люблю тебя, — говорит он наконец. — Я не хочу, чтобы ты страдала.

— Я не страдаю, — вру я. — Я делаю то, что должна.

— Ты всегда слишком сильная.

— А кто, кроме меня?

Я говорю это без злости. Просто констатирую факт. Я не упрекаю его. Он и так знает.

— Я найду способ, — говорит он. — Я не позволю тебе пожертвовать собой.

— Ты ничего не сделаешь, — говорю я ровно. — Потому что я не позволю тебе всё испортить. Мы на грани. Если этот брак сорвётся, мы не выживем. Ты понимаешь?

— Понимаю.

— Тогда не пытайся меня спасать. Спасай стройку. Доделай её. Пусть она начнёт приносить деньги. Тогда, может быть, всё это не зря.

— Обещаю.

Я знаю, что он не сдержит обещание. Он попытается. Он будет биться. Но я знаю, что всё закончится так же, как и всегда. Он сделает, что сможет, и этого будет недостаточно.

Но я не говорю ему этого. Я позволяю ему верить.

— Хорошо, — говорю я. — Торопись. У нас почти не осталось времени.

Я вешаю трубку. Смотрю на телефон. Экран погас. В нём отражается моё лицо. Усталое. Мёртвое.

Где-то внутри я чувствую пустоту. И тепло — от того, что он хотя бы попытается.

Я убираю телефон в сумку. Встаю из кресла. Подхожу к портрету отца.

— Мы пытались, пап, — шепчу я. — Все. Честно пытались.

Портрет молчит. Как всегда. Но мне почему-то кажется, что он понимает.

Я закрываю дверь и иду к выходу.

Я открываю дверь своим ключом.

В прихожей темно. Только свет из гостиной пробивается сквозь щель. Я слышу голос матери. Она говорит по телефону. Я узнаю этот тон — деловой, сладкий, с придыханием. Она разговаривает так только с важными людьми.

Я снимаю пальто. Вешаю на крючок. Ставлю сумку на пол. Я хочу пройти мимо гостиной, тихо, незаметно. Просто подняться к себе и лечь. Но она слышит меня. Она всегда слышит.

— Полина? Это ты?

Я закрываю глаза на секунду. Глубокий вдох.

— Да, мама.

— Зайди сюда.

Я захожу в гостиную. Она сидит в кресле. На коленях — тонкий плед. В руках — телефон. Она уже положила его. Она ждала меня. Она всегда ждёт.

— Ты поздно, — говорит она.

— Я проверяла отель.

— Небось считала долги.

— Ты угадала.

Она качает головой. Не осуждающе. Просто устало. В последнее время она всегда выглядит усталой. Даже когда улыбается.

— Присядь, — говорит она.

Я сажусь на диван напротив неё. Не слишком близко. Я знаю этот разговор. Он будет тяжёлым.

Она смотрит на меня. Долго. Изучающе.

— Ты бледная, — говорит она. — Ты вообще ешь?

— Ем.

— Врёшь.

— Мам...

— Не надо, — она поднимает руку, останавливая меня. — Я знаю. Ты не ешь, не спишь, работаешь как лошадь. И думаешь, что я не вижу.

Я молчу. Она права. И я не хочу спорить.

— Завтра ты встретишься с ним, — говорит она. — Матвей вернулся. Обед в «Пальмире». Я уже говорила.

— Я знаю.

— Ты должна быть готова.

— Я всегда готова, мама.

Она смотрит на меня тем взглядом, от которого мне хочется спрятаться. Взглядом, который всё видит. Который знает, что я сейчас чувствую. Но я не позволяю себе показывать слабость. Она научила меня не показывать.

— Ты не хочешь этого, — говорит она.

— Нет.

— Но ты сделаешь.

— Да.

Она кивает. Я не знаю, что она чувствует в этот момент. Гордость? Облегчение? Или что-то другое, что она скрывает за своей идеальной маской.

— Я знаю, что ты думаешь, — говорит она. — Ты думаешь, что я продала тебя. Что я просто сбавила тебя первому встречному богатому ублюдку, чтобы спасти отель.

Я молчу. Потому что она угадала.

— Ты ошибаешься, — говорит она тихо. — Ты думаешь, я хотела выходить замуж за твоего отца?

Я смотрю на неё. Она редко говорит об этом. Она вообще редко говорит о прошлом.

— Я тоже не хотела, — говорит она. — У меня был другой. Я любила его. А потом появился твой отец. И мои родители сказали: «Ты выйдешь за него. Он надёжный. Он сможет дать тебе всё». Я сопротивлялась. Плакала. Убегала. А потом сдалась.

Она замолкает. Смотрит в стену.

— И знаешь что? — она поворачивается ко мне. — Я не жалею. Потому что твой отец оказался хорошим человеком. Он любил меня. Он заботился обо мне. И я полюбила его. По настоящему. Не сразу. Но полюбила.

— Я не хочу любить его, — говорю я.

— А я не хотела любить твоего отца. Но любовь приходит не тогда, когда мы хотим. Она просто приходит. Или не приходит. Но если она не придёт — ты хотя бы будешь в безопасности.

Она делает паузу. Смотрит на меня в упор.

— Я даю тебе шанс быть кем-то, — говорит она. — Ты не знаешь, что такое бедность, Полина. Ты не знаешь, что такое быть ничем. Я знаю. Я выживала. Я вытащила вас из нищеты. А ты сейчас выбрасываешь всё, что я сделала.

— Я не выбрасываю, — говорю я. — Я просто хочу...

— Что? — она перебивает меня. — Свободы? Ты думаешь, свобода — это когда ты делаешь что хочешь? Нет. Свобода — это когда у тебя есть деньги. Когда ты не боишься, что завтра нечего будет есть. Когда ты можешь смотреть людям в глаза. Я даю тебе эту свободу. А ты говоришь, что я продала тебя.

Я молчу. Она смотрит на меня. Я чувствую этот взгляд. Он жжёт.

— Ты думаешь, мне легко? — говорит она. — Ты думаешь, я хочу видеть, как моя дочь выходит замуж за нелюбимого? Нет. Но я хочу видеть, как она живёт. Как она не умирает от голода. Как она не теряет всё.

— Я не умру от голода.

— Ты не знаешь. Ты не знаешь, что такое просыпаться утром и не знать, чем кормить детей. Я знаю. И я не хочу, чтобы ты это знала.

Она замолкает. Я вижу, как дрожит её рука, когда она поправляет плед. Она не плачет. Она никогда не плачет. Но я вижу, что она чувствует.

— Я выйду за него, — говорю я.

Она поднимает на меня глаза.

— Я выйду, — повторяю я. — Потому что мы не выживем без этого брака. Потому что отец умирает. Потому что ты права. А я не хочу смотреть, как ты умираешь вместе с ним.

— Я не умираю.

— Ты тоже врешь, — говорю я.

Она улыбается. Едва заметно.

— Мы похожи, — говорит она. — Мы обе умеем врать.

— Нас этому научила жизнь.

— Да. Жизнь.

Она протягивает руку. Кладёт её поверх моей. Рука у неё тёплая. Сухая. Такая же, как у меня.

— Я люблю тебя, — говорит она. — И я хочу, чтобы у тебя было будущее. Ты простишь меня когда-нибудь?

— Я уже простила, — говорю я. — Я просто не могу забыть.

Она сжимает мою руку.

— Завтра ты встретишься с ним. Ты улыбнёшься. Ты скажешь «да». И ты сделаешь это лучше, чем кто-либо. Потому что ты — моя дочь.

— Я знаю, — говорю я.

— А теперь иди, — она отпускает мою руку. — Отдыхай. У тебя тяжёлый день завтра.

Я встаю. Иду к двери. Останавливаюсь у порога.

— Мам?

— Что?

— Ты тоже иди спать. Я вижу, ты устала.

Она смотрит на меня. Улыбается. Настоящей улыбкой, какую я не видела давно.

— Хорошо, — говорит она. — Я скоро.

Я поднимаюсь к себе.

Закрываю дверь. Сажусь на кровать. Смотрю в стену.

Она не сказала главного. Она не сказала, что тоже боится. Что ей страшно за меня. Что она не спит по ночам, думая о том, что я делаю.

Но я знаю. Матери всегда бояться. Даже когда не показывают.

Я смотрю на своё лицо в зеркале. Тёмные круги. Сжатые губы. В глазах — усталость.
«Ты сделаешь это, — говорю я себе. — Ты сделаешь это. Потому что ты — Островская.
И ты не сдаёшься».

Я ложусь на кровать. Смотрю в потолок. Не закрывая глаз.

Завтра я встречусь с Матвеем Горским.

Завтра моя жизнь изменится навсегда.

Я почти не спала.

Ворочалась до трёх. Потом провалилась в тяжёлый сон без сновидений. Разбудил свет — солнце уже било в окна. Я не сразу поняла, где я. А потом вспомнила. Сегодня. Обед. Он.

Спускаюсь на кухню. Мать уже там. Она сидит за столом, пьёт кофе и читает новости на планшете. Идеально уложенные волосы. Свежий макияж. Как будто она спала восемь часов и проснулась с улыбкой. Я знаю, что она тоже не спала.

— Доброе утро, — говорю я.

— Доброе, — она поднимает глаза. — Ты плохо выглядишь.

— Спасибо, мама. Ты всегда умеешь поднять настроение.

— Я не шучу. Ты бледная.

— Я нанесу тональный крем. Всё будет хорошо.

Я наливаю себе кофе. Чёрный. Без сахара. Вкуса я всё равно не чувствую.

Слышу шаги на лестнице. Егор. Он тоже не спал. У него красные глаза. Он спускается медленно, держится за перила.

— Вы чего такие? — говорит он. — День только начался, а вы уже...

— Садись, — говорит мать. — Ешь.

— Не хочу.

— Я сказала — садись и ешь.

Он садится. Молча. Я протягиваю ему чашку с кофе. Он берёт.

Мы сидим втроём за столом. Молчим. Только стук чашек. И тишина. Тяжёлая. Ломкая.

— Егор, — говорит мать. — Ты сегодня на стройку?

— Да.

— Не задерживайся. Сегодня важный день.

— Я знаю.

— Ты должен быть с нами на обеде.

— Я не пойду.

Она поднимает глаза. Холодный взгляд.

— Я не спрашиваю, хочешь ты или нет. Ты будешь на обеде. Скажешь, что рад за сестру.

Улыбнёшься. И не выкинешь ничего.

— Мам...

— Я сказала.

Егор сжимает челюсть. Я вижу, как он борется с собой. Но он молчит. Он знает, что с ней бесполезно спорить.

Я смотрю на них. Мать — жесткая, непоколебимая. Брат — сжатый, но сдерживающийся. Мы всегда были такими. Семья, которая держится вместе. Даже когда друг друга ненавидит.

Я разбиваю тишину:

— Егор, — говорю я. — Ты на стройку сейчас? Я могу подвезти.

— Я сам, — он не смотрит на меня. — У меня машина.

— Тогда вечером увидимся, — говорю я. — В «Пальмире». В 14:00.

— Я буду.

Он говорит это без эмоций. Но я слышу. Он придёт. Даже если ему хочется сбежать. Он — Островский. Мы не сбегает.

Я смотрю на мать. Она смотрит на часы.

— Твой наряд висит в шкафу, — говорит она. — Синее платье. Я купила его на прошлой неделе.

— Я знаю.

— И надень туфли, которые я оставила в коробке.

— Я знаю, мама.

— Не перебивай меня.

Я закатываю глаза. Она это видит, но ничего не говорит. Мы обе знаем, что я делаю это, чтобы не закричать.

Звонок. Её телефон.

Она смотрит на экран. Поднимает брови.

— Татьяна Горская, — говорит она. — Рано.

Она поднимает трубку.

— Татьяна Сергеевна! Доброе утро!

Голос у неё меняется. Сладкий. Приторный. Она улыбается в трубку. Я вижу, как она включает режим «идеальная женщина».

— Да, да, конечно... Как Матвей? Отдохнул?... Прекрасно, прекрасно...

Я смотрю на Егора. Он смотрит на меня. Мы оба знаем, что сейчас будет.

— Обед в «Пальмире»?... В 14:00?... Конечно, Полина будет... Да, она готова... Я уверена, что она с нетерпением ждёт встречи...

Я сжимаю кружку так, что пальцы белеют.

— Хорошо, хорошо... Передавайте привет Константину Борисовичу... Да, я тоже... До встречи!

Она кладёт трубку. Поворачивается ко мне.

— Матвей приехал. Сегодня обед. Ты встретишься с ним.

— Я слышала.

— Ты готова?

— Я всегда готова, мама.

— Не дерзи.

— Я не дерзю. Я просто говорю правду.

Она смотрит на меня. Долго. Оценивающе. Я знаю этот взгляд. Она проверяет, готова ли я к бою.

— Ты справишься, — говорит она. — Ты — моя дочь.

— Я знаю.

— Он не должен чувствовать твоего страха.

— Я не боюсь.

Я вру. Я боюсь. Но я не показываю.

— Егор, — говорит она. — Иди собирайся. Мы выезжаем через час.

— Я не поеду с вами, — говорит он. — У меня дела на стройке. Я приеду к обеду.

— Не опаздывай.

— Не опоздаю.

Он встаёт. Берёт кружку и уходит. Я слышу, как он поднимается по лестнице. Быстро. Он хочет уйти от этого разговора. Я его понимаю. Я тоже хочу.

Я смотрю на мать.

— Ты не хочешь, чтобы я злилась на тебя? — спрашиваю я.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива.

— Ты знаешь, что я не буду счастлива.

— Ты не знаешь. Никто не знает.

Она встаёт. Подходит ко мне. Кладёт руку на плечо.

— Я люблю тебя, Полина. Помни это.

— Я помню.

— Тогда иди собирайся. Мы выезжаем через час.

Она уходит. Я остаюсь одна на кухне.

Смотрю в чашку. Кофе остыл. Я его не выпила.

Я встаю. Иду в свою комнату. Открываю шкаф.

Синее платье висит на вешалке. Дорогое. Красивое. Идеальное.

Я смотрю на него и чувствую, как внутри всё сжимается.

— Ты справишься, — говорю я себе. — Ты справишься. Потому что ты — Островская. Я начинаю одеваться.

И думаю о том, что через несколько часов я увижу его. Матвея Горского. Мужчину, на котором я должна выйти замуж.

Я не знаю, что будет дальше.

Я знаю только, что у меня нет выбора.

И я сделаю это. Даже если сердце разрывается на части.

Ресторан «Пальмира» — место, где пахнет деньгами.

Я знаю это, как только захожу. Высокие потолки, приглушённый свет, белые скатерти на столах, официанты в идеально выглаженных костюмах. Здесь не принято громко разговаривать. Здесь принято делать вид, что у тебя всё хорошо.

У меня всё не хорошо. Но я улыбаюсь.

Я иду через зал. Чувствую спиной взгляды. Но я не показываю, что мне не по себе.

За столиком уже сидят. Константин и Наталья о чём-то разговаривают. У них это получается легко и тепло. Константин — удивительный человек. У него нет этой ледяной отстранённости, как у сына. Он похож на большого доброго медведя. Улыбается, жестикулирует, смотрит в глаза. Мне всегда было легко с ним. Ещё в детстве он называл меня «маленькой принцессой».

Наталья сидит рядом. Она улыбается, кивает, поправляет салфетку. Она в своей стихии — светские разговоры, правильные улыбки. Я вижу, как она следит за каждым моим движением. Она оценивает.

— Полина! — Константин встаёт, как только видит меня. Подходит, обнимает. Крепко. По-родственному. — Ты становишься всё красивее! Егор, ты видишь свою сестру?

— Вижу, — Егор поднимает голову. Он сидит рядом с Константином. Он приехал, как и обещал. Хотя видно, что ему здесь не по себе.

— Мама, — я киваю Наталье.

— Садись, — говорит она. — Ты опоздала.

— На пять минут, — я сажусь. — Прости.

— В следующий раз не опаздывай, — она улыбается Константину. — Извините её. Она вся в работу.

— Мы все работаем, — Константин смеётся. — Ничего страшного.

Матвей сидит с каменным лицом. Прямая спина. Взгляд в никуда. Тёмный пиджак. Белая рубашка. Расстегнутая верхняя пуговица. Он даже не смотрит в мою сторону, пока я подхожу.

— Здравствуй, Полина, — говорит он сухо.

— Привет, Матвей, — отвечаю я.

Вот и всё.

А рядом с Матвеем — Даниил. Младший брат. Тёплый, как и его отец. Он улыбается мне, машет рукой.

— Полина! Ты всё такая же красивая! Помнишь, как я в детстве называл тебя «принцессой»?

— Помню, — я улыбаюсь ему. — Ты всегда был моим любимцем.

— Я и сейчас им! — смеётся он.

— Ты всех своих любишь, — говорит Наталья. — Успокойся.

— Полина, ты выглядишь уставшей, — говорит Даниил.
— Я всегда выгляжу уставшей, — отвечаю я. — Это мой фирменный стиль.
— У тебя было время отдохнуть? — Константин беспокоится. По-настоящему.
— Всё хорошо, Константин Борисович.
— Просто Константин. Я же тебе говорил.
— Хорошо. Просто Константин.

Я улыбаюсь ему. Тёплая улыбка. Настоящая. Почти настоящая.

Наталья ведёт разговор. О планах. О будущем. О том, как она рада, что наши семьи наконец-то объединяются.

— Константин, — говорит она. — Я так рада, что мы это сделали. Наши дети вырастут вместе, как мы когда-то.

— Мы все так рады, — он кивает. — Полина — замечательная девушка. Матвею повезло. Матвей молчит. Он не участвует в разговоре. Смотрит на меня. Изучает.

— Ты не изменилась, — говорит он вдруг.

— Это комплимент?

— Это наблюдение.

— Ты всегда был наблюдательным.

— Ты всегда была острой на язык.

— Мы оба в детстве были невыносимыми.

Даниил смеётся. Егор даже улыбается. Наталья смотрит на нас с довольным лицом. Константин одобрительно кивает.

Матвей протягивает руку к карману. Достает маленькую бархатную коробочку.

— Это тебе, — говорит он. Протягивает через стол.

Я беру. Открываю. Внутри — кулон. Серебряный. С крупным сапфиром.

— Матвей, это...

— Просто подарок, — он пожимает плечами.

— Ты помнишь, что я люблю сапфиры?

— Да, — говорит он просто. — Я помню.

Наталья смотрит на это. Я вижу её взгляд. Она довольна. Очень довольна.

Я надеваю кулон. Холодный на коже. Идеально ложится на ключицы.

— Тебе идёт, — говорит Даниил.

— Она красивая, — говорит Константин. — Ты сделал правильный выбор.

Мы пьём. Едим. Смеёмся. Разговариваем о прошлом.

И я чувствую себя частью этого. Хотя бы на миг.

Обед заканчивается.

Мы все поднимаемся. Собираемся у выхода. Константин и Наталья обсуждают детали. Даниил прощается со мной. Егор стоит в стороне.

— Ты сегодня была прекрасна, — говорит Наталья тихо. — Я горжусь тобой.

— Спасибо, мама.

Она улыбается. Я не знаю, искренне ли. Но я принимаю это.

И тут к нам подходит женщина. Лет сорока пяти. Дорогой серый костюм. Идеальная укладка. Уверенная походка. Марина Викторовна — партнёр Матвея.

— Марина Викторовна! — Константин оборачивается. — Какая встреча!

— Я проходила мимо, — улыбается она. — Увидела знакомые лица. Как дела?

— Всё отлично! У нас сегодня важное событие. Познакомьтесь, это Полина, невеста Матвея.

Она смотрит на меня. На кулон.

— Прекрасный сапфир, — говорит она. — Ваш выбор?

— Я выбрал, — говорит Матвей.

— Достойный, — она протягивает мне руку. — Приятно познакомиться. Матвей — замечательный партнёр. И, судя по всему, замечательный жених.

— Спасибо, — говорю я. — Я рада познакомиться.

Она ещё раз смотрит на кулон. Улыбается. И уходит.

Я смотрю на Матвея. Он не отводит взгляд.

— Ты специально, — говорю я тихо.

— Да, — говорит он.

— Чтобы она увидела.

— Да.

— Ты использовал меня.

— Ты тоже меня используешь. Мы квиты.

Я чувствую, как внутри закипает гнев. Но я улыбаюсь. Я не показываю.

Мы выходим из ресторана. В проходе нас ждёт Алиса.

Она стоит, скрестив руки на груди. Улыбается. Но улыбка — дежурная. Я знаю её с детства. Мы никогда не были подругами. Просто видели друг друга на семейных мероприятиях, иногда обменивались любезностями. Она всегда смотрела на меня как на ту, кто ниже по статусу. Я всегда чувствовала это.

— Полина! — она подходит и целует меня в щёку. Два раза. Как велит этикет. — Привет. Ты выглядишь... отлично.

— Спасибо, Алиса, — я улыбаюсь в ответ. — Ты тоже прекрасно выглядишь.

— О, это просто работа, — она поправляет волосы. — Нам приходится следить за собой, когда рядом такие мужчины, — она кивает на Матвея. — Правда, Матвей?

Она смотрит на него с лёгкой насмешкой. Они явно близки. Я не знаю, в каком смысле. Но я чувствую, что между ними есть что-то, чего я не вижу.

Матвей не отвечает. Просто смотрит на меня.

— Матвей, — Алиса поворачивается к нему. — Ты освободился? Мне нужно срочно обсудить с тобой проект.

— Да, — он кивает. Поворачивается ко мне. — Полина, мы ещё увидимся.

— Конечно, — говорю я. — Мы же почти семья.

Алиса усмехается. Едва заметно. Но я вижу.

Она берёт его под руку. Они уходят.

Я смотрю им вслед.

Егор подходит ко мне.

— Ты как?

— Отлично, — говорю я. — Просто отлично.

— Ты не хочешь этого.

— Я хочу, чтобы мы выжили. Это важнее.

Мы тоже уходим.

Я сажусь в машину. Смотрю на кулон.

Сапфир. Холодный. Красивый. Мёртвый.

Я сжимаю его в руке.

— Ты думаешь, что я сдамся? — шепчу я. — Ты ошибаешься, Матвей.

Я убираю кулон в сумку.

И уезжаю.

Я захожу в кабинет отца. Кидаю сумку на стул. Пиджак — на спинку. Я хочу снять с себя этот день, как кожу.

Мать уже здесь. Она сидит в кресле, смотрит на меня. На ней то же платье, что было на обеде. Она приехала сразу за мной. Не переодевалась. Значит, хотела поговорить.

— Слушай, — говорю я. — Я хочу...

— Сядь, — перебивает она.

Я сажусь. Не напротив. Рядом. Смотрю на неё.

— Ты была там, — говорю я. — Ты всё видела. Он подарил мне кулон. Он использовал меня при той женщине. А потом пришла Алиса и забрала его. И ты просто сидела и улыбалась.

— А что я должна была делать? — она смотрит на меня без раздражения. Спокойно. — Встать и сказать: «Матвей, ты не имеешь права»? Сделать сцену?

— Нет, — я закусываю губу. — Но ты могла бы меня предупредить. Сказать, что он так поступит.

— Я не знала, что он так поступит. — она пожимает плечами. — Я знаю, что Горские — прагматики. Но такого я не ожидала.

— Он не помнит, что я люблю сапфиры, — говорю я. — Он просто сказал это. Ради эффекта. И я стояла и улыбалась, как дура.

— Ты не дура, — она смотрит мне в глаза. — Ты сделала то, что нужно. Ты улыбнулась. Ты надела кулон. Ты произвела впечатление на ту женщину. Это и есть твоя работа сейчас.

— Моя работа — быть реквизитом?

— Твоя работа — сохранить этот отель, — она говорит твёрдо. — Сохранить семью. Сохранить нас. Если для этого нужно быть реквизитом — будь им. А потом, когда мы встанем на ноги, ты сможешь делать что хочешь.

— А если я не выдержу?

— Ты выдержишь, — она кладёт руку мне на плечо. — Ты — Островская. Мы не сдаёмся. Я смотрю на неё. Она говорит то, что я хочу услышать. Но внутри — пустота.

— Я знаю, что ты чувствуешь, — говорит она. — Я тоже выходила замуж не по любви. Я тоже была молодая. Я тоже думала, что меня продали. А потом я поняла: жизнь — это не про чувства. Это про выбор. И ты сделала свой.

— Я не делала выбор, — говорю я. — Это ты сделала его за меня.

— Я сделала то, что должна была, — она смотрит мне в глаза. — Чтобы ты выжила. Чтобы Егор выжил. Чтобы отель выжил.

Она встаёт. Поправляет платье.

— Ты устала, — говорит она. — Иди домой. Отдохни. Завтра будет новый день.

Она уходит.

Я остаюсь одна.

Смотрю на кулон. Он всё ещё лежит на столе. Я беру его. Сжимаю. Холодный. Красивый. Мёртвый.

Я не знаю, что чувствую. Злость? Обиду? Пустоту?

Я убираю кулон в сумку.

Тишина.

Я остаюсь одна в кабинете отца. Смотрю на кулон. Он лежит на столе. Холодный. Красивый. Мёртвый. Как моя жизнь, которую я продаю.

Я беру его в руку. Сжимаю. Металл впивается в ладонь.

— Я не сдам, — говорю я вслух. — Я не сдам.

Никто не отвечает.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти. И замираю.

В дверях стоит она.

Женщина. Пожилая. В чёрном старомодном платье. Седые волосы собраны в узел. В руках — сухая роза. Она смотрит на меня. Я не слышала, как она вошла. Она просто есть.

— Кто вы? — голос срывается.

Она молчит. Протягивает мне руку с розой.

— Ты — невеста Матвея Горского? — голос тихий, почти шёпот. Он звучит прямо в голове.

— Да, — я не понимаю, зачем отвечаю. Но я не могу молчать.

— Ты должна знать, — она делает шаг вперёд. Я не слышу шагов. Она не касается пола.
— Первая жена в этом доме не живёт долго. Ты не первая, кто идёт в этот брак. И возможно, ты не последняя, если не передумаешь.

— Что вы говорите? — мне холодно.

— Я тоже была невестой, — она смотрит на меня с печалью. — Я тоже думала, что выживу. У тебя есть выбор. У меня его не было.

Она протягивает мне розу. Я беру. И она исчезает.

Я стою, не дыша. Смотрю на сухую розу в руке. Она настоящая. Пахнет пылью и временем.

Я выбегаю из кабинета в коридор.

Никого. Только тусклый свет ламп.

Я бегу к администраторской стойке. Там стоит девушка за компьютером.

— Скажите, — я задыхаюсь. — К вам заходила женщина? Пожилая. В чёрном платье.

Она вышла из кабинета?

Девушка поднимает голову. Смотрит на меня с недоумением.

— Женщина, Полина Сергеевна? — она качает головой. — За последние полчаса никто не заходил и не выходил. Вы единственная, кто был в коридоре.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Вы же сами закрыли дверь кабинета и были там. Я бы заметила, если бы кто-то прошёл.

Я смотрю на неё. Она говорит правду.

Я медленно возвращаюсь в кабинет.

Закрываю дверь. Прислоняюсь к ней спиной.

Смотрю на розу в руке.

Она настоящая.

Я кладу её на стол. Рядом с кулоном.

Они лежат вместе. Роза и сапфир. Жизнь и смерть.

Я сажусь в кресло отца.

Смотрю на них.

Я не знаю, что это было. Я не знаю, была ли она призраком. Я не знаю, что за проклятие.

Но я знаю одно: она сказала правду. У меня есть выбор.

И я должна решить — идти в этот брак или бежать.

Я закрываю глаза.

Я не знаю, что я выберу.

Но я знаю, что завтра я приду на встречу в парк. И я узнаю правду.

Я встаю. Забираю кулон и розу. Кладу в сумку.

Я выхожу из кабинета. Выхожу из отеля.

Сажусь в машину.

И еду домой.

Завтра всё решится.

КОНЕЦ ГЛАВЫ 1.

ГЛАВА 2. «Первый шаг в клетку»

Я считаю долги.

Снова.

Каждый вечер — одно и то же. Сначала я делаю вид, что это просто бумажки. Потом начинаю складывать цифры. Потом понимаю: мы тонем.

Пачка квитанций — тонкая, но тяжёлая, как свинец. Красные цифры. Просроченные платежи. Штрафы. Пени. Я смотрю на них и чувствую, как внутри сворачивается узел. Тугой. Холодный. Я ношу его с собой уже три года. Он стал частью меня.

Отель «Хан» дышит на ладан. Я — его последняя сиделка.

Стены помнят отца. Я почти слышу его смех. Его голос, когда он водил меня по коридорам: «Смотри, дочка. Это наш дом. Он будет стоять вечно». Он ошибся. Отель стоит. А мы — тонем.

Я провожу пальцем по стойке ресепшн. Мрамор холодный. Гладкий. Наверху — пыль. Я не успеваю убираться. У меня нет времени. Я — директор отеля, бухгалтер, администратор, горничная и прислуга — всё в одном лице.

— Полина Сергеевна, всё готово для завтрашнего мероприятия.

Администратор возникает у стойки бесшумно, как тень. Молодая девушка, лет двадцать. Она ещё не знает, что через месяц мы не сможем платить ей зарплату. Я смотрю на её улыбку и чувствую себя предательницей.

— Хорошо. Я проверю сама.

Она исчезает. Я смотрю ей вслед и думаю: «Если бы ты знала, сколько нам осталось, ты бы не улыбалась».

Звонит телефон. Поставщик. Мужской голос, вежливый, но холодный, как сталь:

— Полина Сергеевна, вы обещали оплатить счёт до пятницы.

— Я знаю. Дайте мне ещё неделю.

— Я уже давал вам неделю. И позапрошлую неделю.

— Я заплачу. Всё будет.

— Вы так говорите каждый месяц.

— Потому что я каждый месяц плачу.

— Не всегда.

Я закусываю губу. Хочется сказать что-то резкое, но я сдерживаюсь. Он прав. Мы должны. Мы всегда должны. Когда-то мой отец был на его месте — он давал отсрочки тем, кто не мог заплатить. Теперь я на том конце провода. Я — та, кто просит. Карма — сука.

— Через неделю будут деньги, — говорю я.

— Я не верю вам, Полина Сергеевна.

— А вы и не должны. Просто подождите. Я всё решу.

Он вздыхает. Короткий, тяжёлый звук. Я слышу его усталость. Мне хочется провалиться сквозь землю. Вместо этого я сжимаю трубку и говорю:

— Договорились?

— Хорошо. Но это в последний раз.

— Спасибо.

Кладу трубку. И чувствую, что этот разговор высосал из меня все силы. Словно игла в вену. Медленно. Но верно.

— Хорошо, — говорю я в пустоту. — Следующий звонок. Кому я ещё должна? Ах да. Всем.

Иду по коридору. Каблуки стучат по паркету. Стук — ритмичный, одинокий. Здесь всегда тихо. Слишком тихо. Когда-то в этих стенах было многолюдно. Гости. Музыка. Смех. Теперь — только я.

Паркет скрипит. Где-то прорвало трубу — слышно, как капает вода. Это звук смерти отеля. Капля за каплей.

Я считаю шаги. Сорок три до банкетного зала. Я знаю это расстояние наизусть. Сколько раз я проходила его с отцом, когда он показывал мне каждую деталь?

— Здесь будет сцена, Полина. Мы будем проводить свадьбы. Банкеты. Праздники.

Он так гордился этим залом. А теперь он пустой. Скатерти накрыты для завтрашней помолвки. Моей помолвки.

Я сажусь за крайний стул. Смотрю на люстру. Она горит золотым светом. Дорогая. Красивая. Мёртвая. Вся моя жизнь теперь — мёртвая красота.

Завтра он вернётся.

Матвей Горский.

Мужчина, на котором я должна выйти замуж.

Я почти не помню его. Мы виделись в детстве на семейных мероприятиях. Он был старше, держался отдельно, смотрел на всех свысока. Я пряталась за мать, когда он проходил мимо. Он не замечал меня. И тогда, и сейчас.

— Ты — Полина? — спросил он однажды. Мне было двенадцать. Ему — шестнадцать. Я кивнула. Он усмехнулся. И ушёл. Вот и всё общение.

А теперь я должна стать его женой.

Мать уже всё решила. Она сказала: «Ты выйдешь за него. Я не позволю тебе всё разрушить». Как будто я — разрушительница. Как будто я не пыталась удержать этот отель на плаву последние три года. Как будто я не ночевала здесь, когда не могла уснуть от долгов.

Я выхожу замуж за Матвея Горского. Навсегда. Без права на развод.

Я выхожу замуж, чтобы спасти эту семью.

Я выхожу замуж, потому что у меня нет выбора.

Я смотрю на своё отражение в стекле. Тёмное платье. Уставшие глаза. Сжатые губы. Внутри — пустота. И где-то глубоко — гнев. Я пытаюсь его спрятать, но он всё равно просачивается.

— Я не хочу этого, — говорю я вслух.

Тишина. Отель молчит.

Я — Островская. Мы не сдаёмся. Даже если это значит — выйти замуж за того, кто мне безразличен.

Я сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони.

Завтра я улыбнусь ему. Я скажу: «Здравствуйте, Матвей». Я буду стоять рядом, как хорошая девочка. Я сыграю свою роль.

Но внутри я буду считать дни до того момента, когда смогу сказать: «Я свободна».

Только вот смогу ли я когда-нибудь это сказать?

Я выхожу из зала. Иду к выходу. Пора домой. Там ждёт мать. Она скажет: «Ты должна быть идеальной». Я скажу: «Я знаю». И мы обе будем врать.

Она будет врать, что делает это ради меня.

Я буду врать, что смирилась.

Я захожу в кабинет отца и закрываю за собой дверь.

Здесь пахнет бумагой и пылью. Старые папки, которые никто не открывал годами. Портрет отца на стене — он смотрит на меня сверху вниз. Я стараюсь не встречаться с ним взглядом. Он бы не одобрил то, что я собираюсь сделать.

Сажусь в его кресло. Оно слишком большое для меня. Когда-то оно было идеальным для него. Теперь я в нём тону. Как и во всём остальном.

Достаю телефон. Нахожу номер брата. Он у меня на быстром наборе. Я звоню ему почти каждый день. Не потому что я контролирую его. А потому что я хочу знать, жив ли он. Что он ест. Спал ли сегодня.

Стройка отнимает всё его время. Он там с утра до ночи. Он верит, что сможет спасти нас. Что если он дождёт, достроит, запустит, то всё наладится. Он всегда был таким. Упрямым. Верящим до конца. Как отец.

— Алло? — голос уставший. Я слышу шум стройки за его спиной. Гул машин. Скрежет металла. Крики рабочих.

— Егор, это я.

— Полин? — он замолкает на секунду. Я слышу, как он отходит от шума. Голос становится тише. — Полин, ты чего? Поздно уже. Ты не спишь?

— Не до сна.

Я молчу. Он ждёт. Мы всегда так делаем — я собираюсь с мыслями, а он ждёт. Терпеливо. Он всегда был терпеливым. Даже когда я кричу на него, он просто смотрит и ждёт, пока я выговорюсь.

— Мать сказала, — говорю я. — Я выхожу замуж за Матвея Горского.

Тишина. Только шум стройки и его дыхание. Я слышу, как он сглатывает.

— Она мне звонила, — говорит он тихо. — Сегодня утром.

— И ты молчал.

— А что я должен был сказать? «Нет, мама, я запрещаю»? — его голос становится жёстче. — Ты знаешь её. Она уже всё решила. И ты тоже решила, раз уж говоришь со мной.

— Я не решала, Егор. Мне не дали решать.

— Ты всегда можешь сказать «нет».

— Правда? — я усмехаюсь. Горько. — И что будет? Мы потеряем отель. Мы потеряем всё, что строили. Стройка встанет. Мать будет ненавидеть меня до конца жизни. И ты будешь смотреть на меня с этим своим вечным чувством вины. Замечательный план.

— Полин, не надо...

— Что «не надо»? — я сжимаю телефон. — Не надо говорить правду? Мы все знаем, что стройка — это была наша общая идея. Я голосовала «за». Мать тоже. Мы все верили, что получится. Но не получилось, Егор. И теперь я должна платить по счетам.

— Мы все должны платить, — голос у него становится жёстче. — Но не тобой. Не твоей жизнью.

— А кто заплатит? Ты? — я почти смеюсь. — Ты уже три года пытаешься. Строишь. Тянешь. Я знаю, сколько ты работаешь. Я знаю, что ты не спишь. Но дело не в том, кто виноват. Дело в том, что у нас больше нет времени. У нас нет денег. У нас нет выбора.

— Выбор всегда есть.

— Ты так говоришь, потому что не ты идёшь под венец.

Он замолкает. Я знаю, что сейчас происходит у него в голове. Он прокручивает все варианты. Он ищет выход. Он всегда ищет выход. Даже когда его нет. Он как отец. Он не умеет сдаваться. Но и не умеет признавать поражение.

— Я продам стройку, — говорит он.

— Ты не продашь стройку. Ты вложил в неё всё.

— Я найму инвесторов.

— Кого? Нам никто не даст денег, Егор. Ты знаешь.

— Тогда я... я поговорю с матерью.

— С ней бесполезно.

— А с ним? — его голос становится тише. — С Горским. Я поговорю с ним. Я попрошу его не жениться на тебе.

— Егор. — я закрываю глаза. — Ты серьёзно? Ты думаешь, он откажется от сделки ради меня? Он не знает меня. Мы не общались. Мы чужие люди.

— Но ты не хочешь этого.

— А кто хочет? Ты хочешь, чтобы я продавала себя? Мать хочет, чтобы я выжила любой ценой. Я хочу, чтобы мы не упали. Никто не хочет этого. Но это нужно сделать.

Я смотрю на портрет отца. Он смотрит на меня. Я помню, как он сидел в этом кресле и говорил: «Мы Островские. Мы не сдаёмся». Он не говорил «мы продаём своих детей». Он бы не одобрил.

Но его нет. А я есть. И я должна вытащить всех.

— Егор, — говорю я тихо. — Ты не виноват. Слышишь? Мы все ошиблись. Я тоже. Я голосовала за стройку. Я верила, что получится. И я не жалею. Потому что мы пытались. Но теперь... теперь всё по-другому.

— Полин...

— Я знаю, что ты хотел как лучше. Ты всегда хотел как лучше. И я тоже. Но иногда лучшее — это просто выжить.

Он молчит. Долго. Я слышу только его дыхание.

— Я люблю тебя, — говорит он наконец. — Я не хочу, чтобы ты страдала.

— Я не страдаю, — вру я. — Я делаю то, что должна.

— Ты всегда слишком сильная.

— А кто, кроме меня?

Я говорю это без злости. Просто констатирую факт. Я не упрекаю его. Он и так знает.

— Я найду способ, — говорит он. — Я не позволю тебе пожертвовать собой.

— Ты ничего не сделаешь, — говорю я ровно. — Потому что я не позволю тебе всё испортить. Мы на грани. Если этот брак сорвётся, мы не выживем. Ты понимаешь?

— Понимаю.

— Тогда не пытайся меня спасать. Спасай стройку. Доделай её. Пусть она начнёт приносить деньги. Тогда, может быть, всё это не зря.

— Обещаю.

Я знаю, что он не сдержит обещание. Он попытается. Он будет биться. Но я знаю, что всё закончится так же, как и всегда. Он сделает, что сможет, и этого будет недостаточно.

Но я не говорю ему этого. Я позволяю ему верить.

— Хорошо, — говорю я. — Торопись. У нас почти не осталось времени.

Я вешаю трубку. Смотрю на телефон. Экран погас. В нём отражается моё лицо. Усталое. Мёртвое.

Где-то внутри я чувствую пустоту. И тепло — от того, что он хотя бы попытается.

Я убираю телефон в сумку. Встаю из кресла. Подхожу к портрету отца.

— Мы пытались, пап, — шепчу я. — Все. Честно пытались.

Портрет молчит. Как всегда. Но мне почему-то кажется, что он понимает.

Я закрываю дверь и иду к выходу.

Я открываю дверь своим ключом.

В прихожей темно. Только свет из гостиной пробивается сквозь щель. Я слышу голос матери. Она говорит по телефону. Я узнаю этот тон — деловой, сладкий, с придыханием. Она разговаривает так только с важными людьми.

Я снимаю пальто. Вешаю на крючок. Ставлю сумку на пол. Я хочу пройти мимо гостиной, тихо, незаметно. Просто подняться к себе и лечь. Но она слышит меня. Она всегда слышит.

— Полина? Это ты?

Я закрываю глаза на секунду. Глубокий вдох.

— Да, мама.

— Зайди сюда.

Я захожу в гостиную. Она сидит в кресле. На коленях — тонкий плед. В руках — телефон. Она уже положила его. Она ждала меня. Она всегда ждёт.

— Ты поздно, — говорит она.

— Я проверяла отель.

— Небось считала долги.

— Ты угадала.

Она качает головой. Не осуждающе. Просто устало. В последнее время она всегда выглядит усталой. Даже когда улыбается.

— Присядь, — говорит она.

Я сажусь на диван напротив неё. Не слишком близко. Я знаю этот разговор. Он будет тяжёлым.

Она смотрит на меня. Долго. Изучающе.

— Ты бледная, — говорит она. — Ты вообще ешь?

— Ем.

— Врёшь.

— Мам...

— Не надо, — она поднимает руку, останавливая меня. — Я знаю. Ты не ешь, не спишь, работаешь как лошадь. И думаешь, что я не вижу.

Я молчу. Она права. И я не хочу спорить.

— Завтра ты встретишься с ним, — говорит она. — Матвей вернулся. Обед в «Пальмире». Я уже говорила.

— Я знаю.

— Ты должна быть готова.

— Я всегда готова, мама.

Она смотрит на меня тем взглядом, от которого мне хочется спрятаться. Взглядом, который всё видит. Который знает, что я сейчас чувствую. Но я не позволяю себе показывать слабость. Она научила меня не показывать.

— Ты не хочешь этого, — говорит она.

— Нет.

— Но ты сделаешь.

— Да.

Она кивает. Я не знаю, что она чувствует в этот момент. Гордость? Облегчение? Или что-то другое, что она скрывает за своей идеальной маской.

— Я знаю, что ты думаешь, — говорит она. — Ты думаешь, что я продала тебя. Что я просто сбавила тебя первому встречному богатому ублюдку, чтобы спасти отель.

Я молчу. Потому что она угадала.

— Ты ошибаешься, — говорит она тихо. — Ты думаешь, я хотела выходить замуж за твоего отца?

Я смотрю на неё. Она редко говорит об этом. Она вообще редко говорит о прошлом.

— Я тоже не хотела, — говорит она. — У меня был другой. Я любила его. А потом появился твой отец. И мои родители сказали: «Ты выйдешь за него. Он надёжный. Он сможет дать тебе всё». Я сопротивлялась. Плакала. Убегала. А потом сдалась.

Она замолкает. Смотрит в стену.

— И знаешь что? — она поворачивается ко мне. — Я не жалею. Потому что твой отец оказался хорошим человеком. Он любил меня. Он заботился обо мне. И я полюбила его. По настоящему. Не сразу. Но полюбила.

— Я не хочу любить его, — говорю я.

— А я не хотела любить твоего отца. Но любовь приходит не тогда, когда мы хотим. Она просто приходит. Или не приходит. Но если она не придёт — ты хотя бы будешь в безопасности.

Она делает паузу. Смотрит на меня в упор.

— Я даю тебе шанс быть кем-то, — говорит она. — Ты не знаешь, что такое бедность, Полина. Ты не знаешь, что такое быть ничем. Я знаю. Я выживала. Я вытащила вас из нищеты. А ты сейчас выбрасываешь всё, что я сделала.

— Я не выбрасываю, — говорю я. — Я просто хочу...

— Что? — она перебивает меня. — Свободы? Ты думаешь, свобода — это когда ты делаешь что хочешь? Нет. Свобода — это когда у тебя есть деньги. Когда ты не боишься, что завтра нечего будет есть. Когда ты можешь смотреть людям в глаза. Я даю тебе эту свободу. А ты говоришь, что я продала тебя.

Я молчу. Она смотрит на меня. Я чувствую этот взгляд. Он жжёт.

— Ты думаешь, мне легко? — говорит она. — Ты думаешь, я хочу видеть, как моя дочь выходит замуж за нелюбимого? Нет. Но я хочу видеть, как она живёт. Как она не умирает от голода. Как она не теряет всё.

— Я не умру от голода.

— Ты не знаешь. Ты не знаешь, что такое просыпаться утром и не знать, чем кормить детей. Я знаю. И я не хочу, чтобы ты это знала.

Она замолкает. Я вижу, как дрожит её рука, когда она поправляет плед. Она не плачет. Она никогда не плачет. Но я вижу, что она чувствует.

— Я выйду за него, — говорю я.

Она поднимает на меня глаза.

— Я выйду, — повторяю я. — Потому что мы не выживем без этого брака. Потому что отец умирает. Потому что ты права. А я не хочу смотреть, как ты умираешь вместе с ним.

— Я не умираю.

— Ты тоже врешь, — говорю я.

Она улыбается. Едва заметно.

— Мы похожи, — говорит она. — Мы обе умеем врать.

— Нас этому научила жизнь.

— Да. Жизнь.

Она протягивает руку. Кладёт её поверх моей. Рука у неё тёплая. Сухая. Такая же, как у меня.

— Я люблю тебя, — говорит она. — И я хочу, чтобы у тебя было будущее. Ты простишь меня когда-нибудь?

— Я уже простила, — говорю я. — Я просто не могу забыть.

Она сжимает мою руку.

— Завтра ты встретишься с ним. Ты улыбнёшься. Ты скажешь «да». И ты сделаешь это лучше, чем кто-либо. Потому что ты — моя дочь.

— Я знаю, — говорю я.

— А теперь иди, — она отпускает мою руку. — Отдыхай. У тебя тяжёлый день завтра.

Я встаю. Иду к двери. Останавливаюсь у порога.

— Мам?

— Что?

— Ты тоже иди спать. Я вижу, ты устала.

Она смотрит на меня. Улыбается. Настоящей улыбкой, какую я не видела давно.

— Хорошо, — говорит она. — Я скоро.

Я поднимаюсь к себе.

Закрываю дверь. Сажусь на кровать. Смотрю в стену.

Она не сказала главного. Она не сказала, что тоже боится. Что ей страшно за меня. Что она не спит по ночам, думая о том, что я делаю.

Но я знаю. Матери всегда боятся. Даже когда не показывают.

Я смотрю на своё лицо в зеркале. Тёмные круги. Сжатые губы. В глазах — усталость.
«Ты сделаешь это, — говорю я себе. — Ты сделаешь это. Потому что ты — Островская.
И ты не сдаёшься».

Я ложусь на кровать. Смотрю в потолок. Не закрывая глаз.

Завтра я встречусь с Матвеем Горским.

Завтра моя жизнь изменится навсегда.

Я почти не спала.

Ворочалась до трёх. Потом провалилась в тяжёлый сон без сновидений. Разбудил свет — солнце уже било в окна. Я не сразу поняла, где я. А потом вспомнила. Сегодня. Обед. Он.

Спускаюсь на кухню. Мать уже там. Она сидит за столом, пьёт кофе и читает новости на планшете. Идеально уложенные волосы. Свежий макияж. Как будто она спала восемь часов и проснулась с улыбкой. Я знаю, что она тоже не спала.

— Доброе утро, — говорю я.

— Доброе, — она поднимает глаза. — Ты плохо выглядишь.

— Спасибо, мама. Ты всегда умеешь поднять настроение.

— Я не шучу. Ты бледная.

— Я нанесу тональный крем. Всё будет хорошо.

Я наливаю себе кофе. Чёрный. Без сахара. Вкуса я всё равно не чувствую.

Слышу шаги на лестнице. Егор. Он тоже не спал. У него красные глаза. Он спускается медленно, держится за перила.

— Вы чего такие? — говорит он. — День только начался, а вы уже...

— Садись, — говорит мать. — Ешь.

— Не хочу.

— Я сказала — садись и ешь.

Он садится. Молча. Я протягиваю ему чашку с кофе. Он берёт.

Мы сидим втроём за столом. Молчим. Только стук чашек. И тишина. Тяжёлая. Ломкая.

— Егор, — говорит мать. — Ты сегодня на стройку?

— Да.

— Не задерживайся. Сегодня важный день.

— Я знаю.

— Ты должен быть с нами на обеде.

— Я не пойду.

Она поднимает глаза. Холодный взгляд.

— Я не спрашиваю, хочешь ты или нет. Ты будешь на обеде. Скажешь, что рад за сестру.

Улыбнёшься. И не выкинешь ничего.

— Мам...

— Я сказала.

Егор сжимает челюсть. Я вижу, как он борется с собой. Но он молчит. Он знает, что с ней бесполезно спорить.

Я смотрю на них. Мать — жесткая, непоколебимая. Брат — сжатый, но сдерживающийся. Мы всегда были такими. Семья, которая держится вместе. Даже когда друг друга ненавидит.

Я разбиваю тишину:

— Егор, — говорю я. — Ты на стройку сейчас? Я могу подвезти.

— Я сам, — он не смотрит на меня. — У меня машина.

— Тогда вечером увидимся, — говорю я. — В «Пальмире». В 14:00.

— Я буду.

Он говорит это без эмоций. Но я слышу. Он придёт. Даже если ему хочется сбежать. Он — Островский. Мы не сбегает.

Я смотрю на мать. Она смотрит на часы.

— Твой наряд висит в шкафу, — говорит она. — Синее платье. Я купила его на прошлой неделе.

— Я знаю.

— И надень туфли, которые я оставила в коробке.

— Я знаю, мама.

— Не перебивай меня.

Я закатываю глаза. Она это видит, но ничего не говорит. Мы обе знаем, что я делаю это, чтобы не закричать.

Звонок. Её телефон.

Она смотрит на экран. Поднимает брови.

— Татьяна Горская, — говорит она. — Рано.

Она поднимает трубку.

— Татьяна Сергеевна! Доброе утро!

Голос у неё меняется. Сладкий. Приторный. Она улыбается в трубку. Я вижу, как она включает режим «идеальная женщина».

— Да, да, конечно... Как Матвей? Отдохнул?... Прекрасно, прекрасно...

Я смотрю на Егора. Он смотрит на меня. Мы оба знаем, что сейчас будет.

— Обед в «Пальмире»?... В 14:00?... Конечно, Полина будет... Да, она готова... Я уверена, что она с нетерпением ждёт встречи...

Я сжимаю кружку так, что пальцы белеют.

— Хорошо, хорошо... Передавайте привет Константину Борисовичу... Да, я тоже... До встречи!

Она кладёт трубку. Поворачивается ко мне.

— Матвей приехал. Сегодня обед. Ты встретишься с ним.

— Я слышала.

— Ты готова?

— Я всегда готова, мама.

— Не дерзи.

— Я не дерзю. Я просто говорю правду.

Она смотрит на меня. Долго. Оценивающе. Я знаю этот взгляд. Она проверяет, готова ли я к бою.

— Ты справишься, — говорит она. — Ты — моя дочь.

— Я знаю.

— Он не должен чувствовать твоего страха.

— Я не боюсь.

Я вру. Я боюсь. Но я не показываю.

— Егор, — говорит она. — Иди собирайся. Мы выезжаем через час.

— Я не поеду с вами, — говорит он. — У меня дела на стройке. Я приеду к обеду.

— Не опаздывай.

— Не опоздаю.

Он встаёт. Берёт кружку и уходит. Я слышу, как он поднимается по лестнице. Быстро. Он хочет уйти от этого разговора. Я его понимаю. Я тоже хочу.

Я смотрю на мать.

— Ты не хочешь, чтобы я злилась на тебя? — спрашиваю я.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива.

— Ты знаешь, что я не буду счастлива.

— Ты не знаешь. Никто не знает.

Она встаёт. Подходит ко мне. Кладёт руку на плечо.

— Я люблю тебя, Полина. Помни это.

— Я помню.

— Тогда иди собирайся. Мы выезжаем через час.

Она уходит. Я остаюсь одна на кухне.

Смотрю в чашку. Кофе остыл. Я его не выпила.

Я встаю. Иду в свою комнату. Открываю шкаф.

Синее платье висит на вешалке. Дорогое. Красивое. Идеальное.

Я смотрю на него и чувствую, как внутри всё сжимается.

— Ты справишься, — говорю я себе. — Ты справишься. Потому что ты — Островская. Я начинаю одеваться.

И думаю о том, что через несколько часов я увижу его. Матвея Горского. Мужчину, на котором я должна выйти замуж.

Я не знаю, что будет дальше.

Я знаю только, что у меня нет выбора.

И я сделаю это. Даже если сердце разрывается на части.

Ресторан «Пальмира» — место, где пахнет деньгами.

Я знаю это, как только захожу. Высокие потолки, приглушённый свет, белые скатерти на столах, официанты в идеально выглаженных костюмах. Здесь не принято громко разговаривать. Здесь принято делать вид, что у тебя всё хорошо.

У меня всё не хорошо. Но я улыбаюсь.

Я иду через зал. Чувствую спиной взгляды. Но я не показываю, что мне не по себе.

За столиком уже сидят. Константин и Наталья о чём-то разговаривают. У них это получается легко и тепло. Константин — удивительный человек. У него нет этой ледяной отстранённости, как у сына. Он похож на большого доброго медведя. Улыбается, жестикулирует, смотрит в глаза. Мне всегда было легко с ним. Ещё в детстве он называл меня «маленькой принцессой».

Наталья сидит рядом. Она улыбается, кивает, поправляет салфетку. Она в своей стихии — светские разговоры, правильные улыбки. Я вижу, как она следит за каждым моим движением. Она оценивает.

— Полина! — Константин встаёт, как только видит меня. Подходит, обнимает. Крепко. По-родственному. — Ты становишься всё красивее! Егор, ты видишь свою сестру?

— Вижу, — Егор поднимает голову. Он сидит рядом с Константином. Он приехал, как и обещал. Хотя видно, что ему здесь не по себе.

— Мама, — я киваю Наталье.

— Садись, — говорит она. — Ты опоздала.

— На пять минут, — я сажусь. — Прости.

— В следующий раз не опаздывай, — она улыбается Константину. — Извините её. Она вся в работу.

— Мы все работаем, — Константин смеётся. — Ничего страшного.

Матвей сидит с каменным лицом. Прямая спина. Взгляд в никуда. Тёмный пиджак. Белая рубашка. Расстегнутая верхняя пуговица. Он даже не смотрит в мою сторону, пока я подхожу.

— Здравствуй, Полина, — говорит он сухо.

— Привет, Матвей, — отвечаю я.

Вот и всё.

А рядом с Матвеем — Даниил. Младший брат. Тёплый, как и его отец. Он улыбается мне, машет рукой.

— Полина! Ты всё такая же красивая! Помнишь, как я в детстве называл тебя «принцессой»?

— Помню, — я улыбаюсь ему. — Ты всегда был моим любимцем.

— Я и сейчас им! — смеётся он.

— Ты всех своих любишь, — говорит Наталья. — Успокойся.

— Полина, ты выглядишь уставшей, — говорит Даниил.
— Я всегда выгляжу уставшей, — отвечаю я. — Это мой фирменный стиль.
— У тебя было время отдохнуть? — Константин беспокоится. По-настоящему.
— Всё хорошо, Константин Борисович.
— Просто Константин. Я же тебе говорил.
— Хорошо. Просто Константин.

Я улыбаюсь ему. Тёплая улыбка. Настоящая. Почти настоящая.

Наталья ведёт разговор. О планах. О будущем. О том, как она рада, что наши семьи наконец-то объединяются.

— Константин, — говорит она. — Я так рада, что мы это сделали. Наши дети вырастут вместе, как мы когда-то.

— Мы все так рады, — он кивает. — Полина — замечательная девушка. Матвею повезло. Матвей молчит. Он не участвует в разговоре. Смотрит на меня. Изучает.

— Ты не изменилась, — говорит он вдруг.

— Это комплимент?

— Это наблюдение.

— Ты всегда был наблюдательным.

— Ты всегда была острой на язык.

— Мы оба в детстве были невыносимыми.

Даниил смеётся. Егор даже улыбается. Наталья смотрит на нас с довольным лицом. Константин одобрительно кивает.

Матвей протягивает руку к карману. Достает маленькую бархатную коробочку.

— Это тебе, — говорит он. Протягивает через стол.

Я беру. Открываю. Внутри — кулон. Серебряный. С крупным сапфиром.

— Матвей, это...

— Просто подарок, — он пожимает плечами.

— Ты помнишь, что я люблю сапфиры?

— Да, — говорит он просто. — Я помню.

Наталья смотрит на это. Я вижу её взгляд. Она довольна. Очень довольна.

Я надеваю кулон. Холодный на коже. Идеально ложится на ключицы.

— Тебе идёт, — говорит Даниил.

— Она красивая, — говорит Константин. — Ты сделал правильный выбор.

Мы пьём. Едим. Смеёмся. Разговариваем о прошлом.

И я чувствую себя частью этого. Хотя бы на миг.

Обед заканчивается.

Мы все поднимаемся. Собираемся у выхода. Константин и Наталья обсуждают детали. Даниил прощается со мной. Егор стоит в стороне.

— Ты сегодня была прекрасна, — говорит Наталья тихо. — Я горжусь тобой.

— Спасибо, мама.

Она улыбается. Я не знаю, искренне ли. Но я принимаю это.

И тут к нам подходит женщина. Лет сорока пяти. Дорогой серый костюм. Идеальная укладка. Уверенная походка. Марина Викторовна — партнёр Матвея.

— Марина Викторовна! — Константин оборачивается. — Какая встреча!

— Я проходила мимо, — улыбается она. — Увидела знакомые лица. Как дела?

— Всё отлично! У нас сегодня важное событие. Познакомьтесь, это Полина, невеста Матвея.

Она смотрит на меня. На кулон.

— Прекрасный сапфир, — говорит она. — Ваш выбор?

— Я выбрал, — говорит Матвей.

— Достойный, — она протягивает мне руку. — Приятно познакомиться. Матвей — замечательный партнёр. И, судя по всему, замечательный жених.

— Спасибо, — говорю я. — Я рада познакомиться.

Она ещё раз смотрит на кулон. Улыбается. И уходит.

Я смотрю на Матвея. Он не отводит взгляд.

— Ты специально, — говорю я тихо.

— Да, — говорит он.

— Чтобы она увидела.

— Да.

— Ты использовал меня.

— Ты тоже меня используешь. Мы квиты.

Я чувствую, как внутри закипает гнев. Но я улыбаюсь. Я не показываю.

Мы выходим из ресторана. В проходе нас ждёт Алиса.

Она стоит, скрестив руки на груди. Улыбается. Но улыбка — дежурная. Я знаю её с детства. Мы никогда не были подругами. Просто видели друг друга на семейных мероприятиях, иногда обменивались любезностями. Она всегда смотрела на меня как на ту, кто ниже по статусу. Я всегда чувствовала это.

— Полина! — она подходит и целует меня в щёку. Два раза. Как велит этикет. — Привет. Ты выглядишь... отлично.

— Спасибо, Алиса, — я улыбаюсь в ответ. — Ты тоже прекрасно выглядишь.

— О, это просто работа, — она поправляет волосы. — Нам приходится следить за собой, когда рядом такие мужчины, — она кивает на Матвея. — Правда, Матвей?

Она смотрит на него с лёгкой насмешкой. Они явно близки. Я не знаю, в каком смысле. Но я чувствую, что между ними есть что-то, чего я не вижу.

Матвей не отвечает. Просто смотрит на меня.

— Матвей, — Алиса поворачивается к нему. — Ты освободился? Мне нужно срочно обсудить с тобой проект.

— Да, — он кивает. Поворачивается ко мне. — Полина, мы ещё увидимся.

— Конечно, — говорю я. — Мы же почти семья.

Алиса усмехается. Едва заметно. Но я вижу.

Она берёт его под руку. Они уходят.

Я смотрю им вслед.

Егор подходит ко мне.

— Ты как?

— Отлично, — говорю я. — Просто отлично.

— Ты не хочешь этого.

— Я хочу, чтобы мы выжили. Это важнее.

Мы тоже уходим.

Я сажусь в машину. Смотрю на кулон.

Сапфир. Холодный. Красивый. Мёртвый.

Я сжимаю его в руке.

— Ты думаешь, что я сдамся? — шепчу я. — Ты ошибаешься, Матвей.

Я убираю кулон в сумку.

И уезжаю.

Я захожу в кабинет отца. Кидаю сумку на стул. Пиджак — на спинку. Я хочу снять с себя этот день, как кожу.

Мать уже здесь. Она сидит в кресле, смотрит на меня. На ней то же платье, что было на обеде. Она приехала сразу за мной. Не переодевалась. Значит, хотела поговорить.

— Слушай, — говорю я. — Я хочу...

— Сядь, — перебивает она.

Я сажусь. Не напротив. Рядом. Смотрю на неё.

— Ты была там, — говорю я. — Ты всё видела. Он подарил мне кулон. Он использовал меня при той женщине. А потом пришла Алиса и забрала его. И ты просто сидела и улыбалась.

— А что я должна была делать? — она смотрит на меня без раздражения. Спокойно. — Встать и сказать: «Матвей, ты не имеешь права»? Сделать сцену?

— Нет, — я закусываю губу. — Но ты могла бы меня предупредить. Сказать, что он так поступит.

— Я не знала, что он так поступит. — она пожимает плечами. — Я знаю, что Горские — прагматики. Но такого я не ожидала.

— Он не помнит, что я люблю сапфиры, — говорю я. — Он просто сказал это. Ради эффекта. И я стояла и улыбалась, как дура.

— Ты не дура, — она смотрит мне в глаза. — Ты сделала то, что нужно. Ты улыбнулась. Ты надела кулон. Ты произвела впечатление на ту женщину. Это и есть твоя работа сейчас.

— Моя работа — быть реквизитом?

— Твоя работа — сохранить этот отель, — она говорит твёрдо. — Сохранить семью. Сохранить нас. Если для этого нужно быть реквизитом — будь им. А потом, когда мы встанем на ноги, ты сможешь делать что хочешь.

— А если я не выдержу?

— Ты выдержишь, — она кладёт руку мне на плечо. — Ты — Островская. Мы не сдаёмся. Я смотрю на неё. Она говорит то, что я хочу услышать. Но внутри — пустота.

— Я знаю, что ты чувствуешь, — говорит она. — Я тоже выходила замуж не по любви. Я тоже была молодая. Я тоже думала, что меня продали. А потом я поняла: жизнь — это не про чувства. Это про выбор. И ты сделала свой.

— Я не делала выбор, — говорю я. — Это ты сделала его за меня.

— Я сделала то, что должна была, — она смотрит мне в глаза. — Чтобы ты выжила. Чтобы Егор выжил. Чтобы отель выжил.

Она встаёт. Поправляет платье.

— Ты устала, — говорит она. — Иди домой. Отдохни. Завтра будет новый день.

Она уходит.

Я остаюсь одна.

Смотрю на кулон. Он всё ещё лежит на столе. Я беру его. Сжимаю. Холодный. Красивый. Мёртвый.

Я не знаю, что чувствую. Злость? Обиду? Пустоту?

Я убираю кулон в сумку.

Тишина.

Я остаюсь одна в кабинете отца. Смотрю на кулон. Он лежит на столе. Холодный. Красивый. Мёртвый. Как моя жизнь, которую я продаю.

Я беру его в руку. Сжимаю. Металл впивается в ладонь.

— Я не сдам, — говорю я вслух. — Я не сдам.

Никто не отвечает.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти. И замираю.

В дверях стоит она.

Женщина. Пожилая. В чёрном старомодном платье. Седые волосы собраны в узел. В руках — сухая роза. Она смотрит на меня. Я не слышала, как она вошла. Она просто есть.

— Кто вы? — голос срывается.

Она молчит. Протягивает мне руку с розой.

— Ты — невеста Матвея Горского? — голос тихий, почти шёпот. Он звучит прямо в голове.

— Да, — я не понимаю, зачем отвечаю. Но я не могу молчать.

— Ты должна знать, — она делает шаг вперёд. Я не слышу шагов. Она не касается пола.
— Первая жена в этом доме не живёт долго. Ты не первая, кто идёт в этот брак. И возможно, ты не последняя, если не передумаешь.

— Что вы говорите? — мне холодно.

— Я тоже была невестой, — она смотрит на меня с печалью. — Я тоже думала, что выживу. У тебя есть выбор. У меня его не было.

Она протягивает мне розу. Я беру. И она исчезает.

Я стою, не дыша. Смотрю на сухую розу в руке. Она настоящая. Пахнет пылью и временем.

Я выбегаю из кабинета в коридор.

Никого. Только тусклый свет ламп.

Я бегу к администраторской стойке. Там стоит девушка за компьютером.

— Скажите, — я задыхаюсь. — К вам заходила женщина? Пожилая. В чёрном платье.

Она вышла из кабинета?

Девушка поднимает голову. Смотрит на меня с недоумением.

— Женщина, Полина Сергеевна? — она качает головой. — За последние полчаса никто не заходил и не выходил. Вы единственная, кто был в коридоре.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Вы же сами закрыли дверь кабинета и были там. Я бы заметила, если бы кто-то прошёл.

Я смотрю на неё. Она говорит правду.

Я медленно возвращаюсь в кабинет.

Закрываю дверь. Прислоняюсь к ней спиной.

Смотрю на розу в руке.

Она настоящая.

Я кладу её на стол. Рядом с кулоном.

Они лежат вместе. Роза и сапфир. Жизнь и смерть.

Я сажусь в кресло отца.

Смотрю на них.

Я не знаю, что это было. Я не знаю, была ли она призраком. Я не знаю, что за проклятие.

Но я знаю одно: она сказала правду. У меня есть выбор.

И я должна решить — идти в этот брак или бежать.

Я закрываю глаза.

Я не знаю, что я выберу.

Но я знаю, что завтра я приду на встречу в парк. И я узнаю правду.

Я встаю. Забираю кулон и розу. Кладу в сумку.

Я выхожу из кабинета. Выхожу из отеля.

Сажусь в машину.

И еду домой.

Завтра всё решится.

КОНЕЦ ГЛАВЫ 1.

ГЛАВА 3. «Семейное гнездо»

Я просыпаюсь от голоса матери.

Она не стучит. Она входит без спроса. Её голос — как удар молнии в тихое утро.

— Ты понимаешь, что ты натворила?

Я сажусь на кровати. За окном ещё серо. Солнце только начинает подниматься. Я ещё не успела проснуться, но она уже здесь. Стоит в дверях, скрестив руки на груди, и смотрит так, будто я предательница.

— Я не пошла, — говорю я. — Ты это имеешь в виду?

— Ты не пошла, — она делает шаг вперёд. — Ты не явилась на назначение Матвея. Ты опозорила нас перед всей семьёй Горских. Ты показала им, что мы — ненадёжные, что мы не умеем держать слово.

— Я не хотела их позорить.

— А что ты хотела? — её голос становится выше. — Показать характер? Доказать, что ты независимая? Ты не независимая, Полина. Ты — часть этого плана. И если ты не играешь свою роль, мы всё теряем.

Я опускаю голову. Смотрю на свои руки.

— Я не могу играть, мама. Я не могу притворяться.

— А ты не притворяйся, — она подходит ближе. — Просто делай то, что должна. Выходи замуж. Спаси семью. А после — делай что хочешь.

— Ты говоришь так, будто это просто.

— Это просто, — она смотрит мне в глаза. — Ты просто боишься.

Я сжимаю кулаки. Она не понимает. Она не знает, что я видела призрак. Она не знает, что кто-то хочет моей смерти. Она не знает ничего.

— Я боюсь, — говорю я. — И я имею право бояться.

Она смотрит на меня. Долго. Я вижу, как в её глазах мелькает что-то.

— Бойся, — говорит она. — Но делай.

Она поворачивается и выходит. Хлопает дверью.

Я остаюсь одна.

Я смотрю на пустую стену. На кулон на тумбочке. На сухую розу, которая уже почти рассыпалась.

Я беру кулон в руку. Он холодный. Тяжёлый.

— Ты не сломаешь меня, — шепчу я.

Я не знаю, кому это говорю. Ей. Ему. Или себе.

Я спускаюсь на кухню.

Кофе. Горячий. Чёрный. Без сахара. Я не чувствую вкуса. Просто пью, чтобы чем-то занять руки.

Мать ушла. Егор уже уехал на стройку. Дом тихий, пустой, давящий. Я сижу за столом, смотрю в стену и перебираю в голове её слова.

«Ты просто боишься».

Она права. Я боюсь. Но она не знает, чего именно.

Звонит телефон.

Я беру трубку. Незнакомый номер. Внутри — холодок.

— Полина? Это Татьяна Горская.

Я замираю.

— Здравствуйте, — говорю я.

— Не бойся, — голос у неё мягкий. Слишком мягкий. — Я знаю, что ты не пришла вчера. Я не звоню, чтобы ругать тебя.

Я молчу. Она продолжает:

— Ты наверняка переживаешь. Я хочу, чтобы ты знала — я понимаю. Ты не готова. Ты боишься. Это нормально.

— Спасибо, — говорю я. — Но я не хочу оправданий...

— Я не жду оправданий, — перебивает она. — Я хочу встретиться с тобой. Завтра. Наедине. Без матери. Без Егора. Без лишних ушей.

Я сжимаю телефон.

— Зачем?

— Нам нужно поговорить, Полина. Я хочу помочь тебе. Если ты позволишь.

Я смотрю на чашку. Кофе остывает.

— Хорошо, — говорю я. — Где и когда?

— Завтра в три. Приезжай в особняк. Я встречу тебя в малой гостиной.

— Я приеду.

— Спасибо, — говорит она. — Я верю, что ты сможешь. Ты сильная.

Она кладёт трубку.

Я смотрю на телефон.

«Ты сильная».

Странно слышать это от неё. Странно — и немного пугает.

Я убираю телефон в карман. Допиваю холодный кофе.

Завтра я встречусь с Татьяной Горской.

Завтра я узнаю, что она хочет мне сказать.

Я переодеваюсь три раза, прежде чем понять, что платье не имеет значения. Всё равно я буду чувствовать себя чужой в их доме. Я выбираю тёмно-синее. Сдержанное. Почти незаметное.

Мать уже ушла по делам. Егор на стройке. Я выхожу из дома одна. Сажусь в машину и еду в особняк Горских.

Дорога занимает полчаса. Я смотрю на знакомые улицы, на старые деревья, на высокие заборы, скрывающие чужие жизни. Моя жизнь скоро тоже будет спрятана за одним из таких заборов.

Я подъезжаю к воротам. Охранник узнаёт меня, открывает. Я паркуюсь у главного входа и выхожу.

Дом Горских встречает меня тишиной.

Огромный, старый, с высокими окнами и тяжёлыми дверями. Внутри — запах дерева и цветов. Всё дорогое, но холодное. Как музей. Как мавзолей.

— Полина, — голос Татьяны раздаётся из глубины холла. — Проходи.

Она стоит в дверях малой гостиной. На лице — лёгкая улыбка. Но глаза холодные. Оценивающие.

Я захожу.

— Присядь, — она кивает на кресло. — Я заказала чай. Ты любишь зелёный?

— Да, — говорю я. — Спасибо.

Я сажусь. Она садится напротив. Между нами — столик и две чашки. Она наливает чай, медленно, аккуратно.

— Ты выглядишь уставшей, — говорит она.

— Я не спала, — отвечаю я.

— Понимаю, — она кивает. — Вчера был трудный день для всех. Но я хочу, чтобы ты знала: я не злюсь на тебя.

Я поднимаю на неё глаза.

— Правда?

— Правда, — она смотрит на меня с сочувствием. — Я знаю, что тебе страшно. Ты не знаешь эту семью. Ты не знаешь, что тебя ждёт. Это нормально.

— Я не хочу, чтобы меня жалели, — говорю я.

— Я не жалею тебя, — она делает глоток чая. — Я пытаюсь тебя понять. И я хочу, чтобы ты поняла одно: ты должна идти до конца. Ты должна сделать это.

— Сделать что?

— Выйти замуж за Матвея, — она ставит чашку на стол. — Спасти свою семью. Это твой долг.

— А если я не хочу?

— Ты хочешь, — она смотрит на меня без эмоций. — Просто ты ещё не поняла этого. Я молчу. Она права. Я не хочу этого брака. Но я хочу, чтобы моя семья выжила.

— Я сделаю, что смогу, — говорю я.

— Я знаю, — она кладёт свою ладонь поверх моей. — И ещё кое-что...

Она убирает руку и делает глоток чая.

— Матвей вчера спрашивал о тебе.

Я смотрю на неё. Она не отводит взгляда.

— Он весь вечер был сам не свой. Он всё смотрел на двери. Ждал тебя.

— Он ждал, чтобы сделать мне выговор, — говорю я.

— Может быть, — она усмехается. — А может, и нет.

Я не знаю, что сказать. Я смотрю на чай.

— Спасибо, — говорю я. — Я поняла.

Я встаю.

— Ты уже уходишь? — Татьяна тоже встаёт.

— Мне нужно в отель.

— Хорошо, — она кивает. — Я провожу тебя до двери.

Мы идём через холл. Я вижу лестницу, уходящую на второй этаж. Его комнату. Его мир.

— Полина, — говорит Татьяна у самой двери. — Я верю в тебя. Не подведи.

Я поворачиваюсь к ней.

— Я постараюсь.

Я берусь за ручку двери, чтобы выйти. Делаю шаг — и сталкиваюсь с кем-то, кто входит с улицы.

Я поднимаю голову.

Матвей.

Он стоит на пороге. В пальто. Плечи мокрые от дождя. Тёмные волосы влажные. Он смотрит на меня сверху вниз.

— Ты здесь? — голос ровный. Без удивления.

— Уже ухожу, — говорю я.

— Отлично.

Я хочу пройти мимо. Он не двигается. Просто стоит в дверях, перекрывая выход.

— Ты не пришла, — говорит он. — Вчера.

— Я знаю.

— Ты подвела меня.

Я смотрю на него. В его глазах — холод. Но не тот, что был раньше. Теперь — что-то другое. Обида? Или он просто разозлён.

— Я тебя не подводила, — говорю я. — Я не обещала тебе ничего.

— Ты обещала быть там.

— Я обещала выйти за тебя замуж, Матвей. Я не обещала присутствовать на всех твоих мероприятиях.

Он усмехается. Сухо. Без тепла.

— Вести такую жену на мероприятие — это как держать в руках бомбу. Никогда не знаешь, когда рванёт.

— Тогда зачем ты согласился? — я смотрю ему в глаза. — Если я такая опасная. Зачем? Он молчит. Долго.

— Потому что так решили мои родители, — говорит он наконец. — И я подчинился.

— Как и я, — говорю я. — Мы оба подчиняемся. Так что не надо разыгрывать оскорблённую невинность.

Я делаю шаг вперёд. Он не отодвигается. Мы почти касаемся друг друга.

— Ты не должна была приходить сюда сегодня, — говорит он.

— Меня пригласила твоя мать.

— Она слишком добра к тебе.

— Она хочет сохранить сделку, — я смотрю ему в глаза. — Как и ты. Как и я.

Он смотрит на меня. Секунду. Две. Я не опускаю взгляд.

— Ты не хочешь этого брака, — говорит он. — Я вижу.

— Я хочу, чтобы моя семья выжила. Это единственное, что имеет значение.

Он смотрит на меня. В его глазах — что-то меняется.

— Тогда делай, что должна, — говорит он. — И не подводи меня. Ещё раз.

Он отступает в сторону. Пропускает меня.

Я прохожу мимо. Чувствую его запах на секунду. Мокрый дождь, кожа, дерево.

— До свадьбы, — бросаю я через плечо.

— До свадьбы, — отвечает он.

Я выхожу на улицу. Дождь. Холод.

Я не оглядываюсь.

Я иду к машине. Сажусь. Закрываю глаза.

— Что это было? — шепчу я.

Я не знаю ответа. Но я чувствую, как дрожат пальцы на руле.

Я приезжаю в отель и захожу в кабинет отца.

Здесь всё по-прежнему. Стопки бумаг, пыльные папки, пустые кресла. Время застыло в этом кабинете. Как и я.

Я сажусь за стол. Открываю ноутбук. Счета. Долги. Новые квитанции. Я смотрю на цифры, но не вижу их. Перед глазами — его лицо. Его голос: «Ты подвела меня».

Я закрываю ноутбук.

— Не думай о нём, — говорю я вслух.

Но я думаю.

Я встаю. Иду по коридору. Проверяю номера. Говорю с горничными. Проверяю заказ продуктов. Всё как обычно. Всё как всегда. Но внутри — пустота.

Я возвращаюсь в кабинет. Сажусь. Смотрю в окно.

За окном — город. Обычный день. Люди спешат по своим делам. Они не знают, что я сейчас чувствую. Они не знают, что я продала себя. Они не знают, что я боюсь.

Я беру телефон. Ни одного сообщения. Ни от матери. Ни от него. Ни от Татьяны.

Тишина.

Я смотрю на экран и чувствую, как внутри разрастается пустота.

— Ты сделала это, — говорю я себе. — Ты не пошла на мероприятие. Ты сказала ему всё, что думаешь. Ты не сдалась.

Но я не чувствую победы. Я чувствую только усталость.

Через два дня я возвращаюсь в свою обычную жизнь.

Ну, в ту, которую я называю обычной. Я иду в кружок.

Маленькая студия на окраине города. Старые стены, пахнет масляной краской и скипидаром. Здесь всегда тихо. Здесь не нужно играть роль. Здесь я просто — модель. Сажу неподвижно, смотрю в одну точку, и меня рисуют.

Я сажусь на стул. Свет падает на лицо. Тёплый. Я закрываю глаза на секунду.

— Полина, не двигайся, — говорит художник.

Я замираю.

Слышу, как шуршит карандаш по бумаге. Как кто-то смеётся в углу. Как льётся вода из крана. Обычные звуки. Нормальные. Здесь нет долгов. Нет Матвея. Нет матери, которая говорит, что я должна быть идеальной.

Здесь есть только я. И свет. И карандаш.

Я смотрю в стену. Мысли текут медленно. Я думаю о том, как хорошо быть просто частью чужого рисунка. Не играть роль. Не улыбаться. Просто быть.

— Готово, — говорит художник. — Можешь отдохнуть.

Я встаю. Подхожу к мольберту. Смотрю на себя. Чужими глазами. На бумаге — моё лицо. Но оно выглядит спокойным. Почти счастливым.

— Ты хорошо сегодня работала, — говорит он.

— Спасибо, — отвечаю я.

Я собираю вещи. Выхожу на улицу.

Холодно. Вечер. Город шумит.

Я смотрю на свои руки. Они не дрожат. Хотя внутри всё болит.

Но здесь, в студии, я могу дышать.

Я улыбаюсь. Впервые за несколько дней.

Я захожу в дом и сразу слышу, как вибрирует телефон в кармане пальто. Я вешаю его на крючок. Достая телефон. На экране — незнакомый номер.

Я беру трубку.

— Аллю?

— Полина, это Татьяна Горская.

Её голос ровный, деловой. Как всегда. Я уже привыкла к этому тону. В нём нет тепла, но нет и вражды. Просто холодная вежливость.

— Здравствуйте, — говорю я.

— Я звоню, чтобы пригласить тебя на поминки по моему свёкру. Через три дня. В особняке. Вся семья будет.

Я замираю.

— Поминки? — переспрашиваю я.

— Да. Год прошёл с его смерти. Мы собираем близких. Ты тоже должна быть.

Я сжимаю телефон. Она хочет, чтобы я пришла. В их дом. К ним. Среди их родственников.

— Я буду, — говорю я.

— Хорошо, — она делает паузу. — И ещё, Полина... Постарайся не опаздывать. Это будет не только память о дедушке, но и знакомство с семьёй.

— Я поняла.

— Отлично. Приходи к обеду. В три часа. Я буду ждать тебя.

Она вешает трубку.

Я смотрю на телефон. Поминки. Её семья. Она хочет, чтобы я была там.

Я не знаю, что это — забота или проверка. Но я чувствую, что это важный шаг.

Я поднимаюсь к себе. Сажусь на кровать. Смотрю на кулон.

— Ты готова? — спрашиваю я себя.

Я не знаю.

Но я знаю: я должна пойти.

Я захожу в особняк Горских и останавливаюсь на пороге.

Воздух здесь другой. Тяжёлый. Пропитанный ладаном, воском, увядшими цветами и тихой скорбью. Гости в чёрном, приглушённые голоса. Кто-то говорит вполголоса, кто-то зажигает свечи. Всё чинно. Всё по правилам. Как в старом фильме, где смерть — это тоже спектакль.

Я чувствую себя чужой среди них. Но Татьяна замечает меня сразу. Она выходит из глубины холла и кивает мне. Жёстко, как всегда, но в этом жесте нет неприязни.

— Полина, проходи. Ты вовремя. Поможем на кухне.

Я киваю. Я рада, что могу быть полезной. В кухне я чувствую себя увереннее, чем в гостиной среди незнакомых людей.

Я иду за ней. Мы проходим через холл, мимо старых фотографий на стенах, мимо цветочных венков, мимо людей, которые провожают меня взглядами. Я слышу, как кто-то шепчет: «Это она?.. Невеста Матвея?..»

Я стараюсь не вслушиваться.

Кухня огромная. Старая, с высокими потолками и большим деревянным столом. На столе — тарелки, блюда, кастрюли. Три женщины уже работают: одна режет овощи, вторая сервирует закуски, третья поправляет салфетки. Запах пирогов и мяса перебивает ладан. Здесь пахнет жизнью.

Татьяна подводит меня к пожилой женщине в тёмной юбке и белом фартуке.

— Зоя Васильевна, это Полина, — говорит она. — Она поможет тебе.

Зоя Васильевна смотрит на меня. Внимательно, без улыбки. Оценивает.

— Руки есть? — спрашивает она.

— Есть, — отвечаю я.

— Рабочие?

— Рабочие.

— Тогда иди сюда, — она даёт мне нож и капусту. — Нарезай. Тонко. Не люблю грубо.

Я беру нож. В нём есть что-то успокаивающее. Я знаю, что делать. Я выросла в отеле — я умею нарезать, сервировать, убирать. Мои руки помнят эту работу.

Я режу тонко, аккуратно. Зоя наблюдает за мной. Через минуту она одобрительно кивает.

— Молодец. Сразу видно, не принцесса. А то некоторые только руками хлопать умеют.

Я улыбаюсь.

— Я в отеле выросла, — говорю я. — Там всё приходится делать самой.

— Отель — это хорошо, — она берёт другую тарелку. — Работа — это честь. Девушка, которая не боится испачкать руки, — это редкость.

Мы работаем вместе. Я режу, она раскладывает. Молча, но не напряжённо. В какой-то момент я ловлю себя на мысли, что мне здесь хорошо. Среди запаха еды, среди этих простых действий, среди этой женщины, которая не спрашивает меня о прошлом.

Через час я уже знаю, где что лежит. Где салфетки, где вилки, где чай. Я помогаю накрывать стол. Расставляю тарелки, поправляю цветы. Другие женщины подходят, кивают мне.

— Хорошая девушка, — говорит одна. — Аккуратная.

— Лёгкая рука, — говорит вторая. — Глаза добрые.

Я чувствую, что меня принимают. Без лишних слов. Без проверок. Просто потому что я делаю свою работу.

Кто-то из женщин гладит меня по плечу:

— Мы рады, что ты у нас, Полина. Добро пожаловать в семью.

Я поднимаю глаза. Она улыбается. Я киваю. В груди — странное тепло. Не счастье, нет. Что-то тихое, тёплое, как этот дом, который постепенно перестаёт быть чужим.

Я смотрю на свои руки. На них — мука и капустный сок.

Впервые за долгое время я чувствую себя настоящей.

Я услышала их раньше, чем увидела.

Голос Алисы — звонкий, уверенный, перекрывающий гул гостиной. Она смеётся над чем-то, что сказал Матвей. Я слышу этот смех даже сквозь закрытую дверь кухни. Он липкий, как сироп.

Я продолжаю резать зелень. Пальцы не дрожат. Я не позволю им дрожать.

Зоя Васильевна поднимает голову.

— Приехали, — говорит она без эмоций. — Матвей с этой... с Алисой.

— Я знаю, — отвечаю я.

— Ты не пойдёшь встречать?

— Я занята.

Зоя смотрит на меня с лёгкой усмешкой. Она всё понимает. Она знает, кто есть кто в этом доме.

Через несколько минут дверь кухни открывается. Входит одна из женщин:

— Полина, иди в гостиную. Матвей тебя ищет.

Я поднимаю глаза.

— Я сейчас.

Я вытираю руки. Поправляю платье. Смотрю на себя в отражение чайника. Бледная. Уставшая. Но я не покажу этого.

Я захожу в гостиную.

Матвей стоит у камина. Он в строгом чёрном костюме, без галстука. Волосы слегка расчёпаны. Он разговаривает с каким-то мужчиной, но, когда я вхожу, его взгляд скользит по мне и задерживается на секунду. На одну. На две. Потом он отводит глаза.

Алиса рядом. Она в облегающем чёрном платье, с идеальной укладкой. Она держится близко к Матвею, почти касается его плеча. Она смотрит на меня с лёгкой улыбкой — той, которая говорит: «Я здесь. Я рядом с ним. А ты — нет».

Я подхожу к столу. Поправляю салфетки. Я не смотрю на них.

— Полина, — голос Матвея за спиной. — Ты помогаешь на кухне?

— Да, — отвечаю я, не оборачиваясь.

— Хорошо.

Он ничего не добавляет. Я слышу, как он отворачивается.

Алиса подходит ко мне через минуту. Я уже на кухне, собираю пустые тарелки. Она входит следом, закрывает за собой дверь.

— Полина, — говорит она. — Привет. Ты отлично выглядишь.

Я смотрю на неё. Я знаю, что это не комплимент.

— Спасибо, — говорю я. — Ты тоже.

— Я рада, что ты пришла, — она подходит ближе. — Ты уже познакомилась со всеми?

— Почти, — говорю я. — Я помогаю по хозяйству.

— Да, — она улыбается. — Я видела. Ты такая... домашняя. Это мило.

Я сжимаю тарелку в руках.

— Ты что-то хотела, Алиса? — спрашиваю я.

Она усмехается. Делает шаг вперёд. Мы почти касаемся плечами.

— Я просто хочу, чтобы ты знала, — говорит она тихо. — Ты здесь не своя. Ты — просто сделка. Когда всё закончится, я буду рядом с ним. Не ты.

— Ты уже рядом с ним, — говорю я. — Я вижу. Но ты же знаешь, что он женится на мне, а не на тебе.

— Пока, — она смотрит мне в глаза. — Мы не знаем, что будет завтра.

Я не отвожу взгляда.

— Алиса, — говорю я. — Ты его партнёр. Ты его коллега. Ты его друг. Но ты не его невеста. И ты никогда ею не будешь.

Она фыркает.

— Ты думаешь, что победила? — она наклоняет голову. — Ты просто кукла, которую поставили на витрину. Ты даже не знаешь, что тебя ждёт в этом доме.

— А ты знаешь?

Она улыбается. Но в её глазах — холод.

— Я знаю, что ты не сможешь дать ему того, что могу дать я. Ты даже не знаешь, чего он хочет.

— И чего же он хочет? — спрашиваю я.

Она молчит. Потом наклоняется к моему уху и шепчет:

— Тебя там не будет. Когда придёт время, ты уйдёшь. И он забудет, что ты когда-то существовала.

Она отходит. Берёт тарелку с пирожными и выходит из кухни.

Я стою, сжимая тарелку. Пальцы побелели.

Я перевожу дыхание и медленно опускаю тарелку на стол.

Она пытается сломать меня. Она хочет, чтобы я сдалась.

Но я не сдамся.

Я возвращаюсь к работе.

Я поднимаюсь на второй этаж.

Внизу — голоса, звон посуды, тихая музыка. Здесь — тишина. Только мои шаги по старому паркету.

Дверь приоткрыта. Я заглядываю.

Комната. Книги. Фотографии. Гитара на полу. Я понимаю: это его комната.

Я должна уйти. Но я застываю на пороге. Смотрю на фотографию в рамке. Женщина с тёплой улыбкой. Она похожа на него.

Я беру рамку в руки.

— Это моя бабушка, — голос за спиной.

Я вздрагиваю. Поворачиваюсь. Он стоит в дверях.

— Прости, — говорю я. — Я искала ванную.

— Дверь была открыта.

— Я знаю. Я уже ухожу.

Я ставлю рамку на стол. Делаю шаг к двери. Он не двигается.

— Почему ты здесь? — спрашивает он.

— Я же сказала.

— Ты ищешь ванную на втором этаже, хотя знаешь, что гостевая — внизу.

Я молчу. Он прав.

— Ты всегда врешь, — говорит он.

— А ты всегда такой?

— Какой?

— Холодный.

Он не отвечает. Делает шаг ко мне. Я отступаю. Моя нога задевает гитару.

Я лечу вниз.

Он успевает подхватить меня — его рука обхватывает мою талию, дёргает на себя. Мы оба теряем равновесие и падаем на пол. Я на него. Он на спину. Мои волосы падают ему на лицо. Я чувствую его дыхание — тёплое, сбитое. И в тот же миг, в падении, когда нас бросает друг на друга, мои губы касаются его губ.

Это длится мгновение. Доля секунды. Мягкое столкновение. Я чувствую тепло его губ — сухих, горячих. И запах — дым, дерево, кожа.

Я дёргаюсь назад. Сажусь на полу. Смотрю на него.

Он лежит, не двигаясь. Смотрит на меня.

Я молчу. Он молчит. В комнате тихо, как в гробу. Только моё сердце колотится где-то в горле.

Я вытираю губы тыльной стороной ладони. Он садится. Смотрит на меня. В его глазах — ничего.

— Это было специально? — спрашивает он.

Голос низкий, с хрипотцой. Я смотрю на него, на его губы. Внутри — жар.

— Я случайно упала, — говорю я. — Ты сам меня поймал.

— Ага. Случайно. — он усмехается, но в усмешке нет тепла. — Ты всё делаешь случайно, Полина?

— Я не собиралась целовать тебя.

— А я и не говорил, что ты собиралась. — он встаёт, отряхивает пиджак. — Я просто спросил: это было случайно?

— Да, — я тоже встаю. — Я же сказала.

— Ты всегда так падаешь? — он смотрит мне в глаза. — В нужный момент и в нужное место?

— Что ты хочешь услышать?

— Хочу услышать правду.

— Правда в том, что я не хочу тебя целовать.

— Тогда почему ты не отстранилась?

Я замираю. Я не отстранилась. Я застыла. На секунду. На две.

— Я не успела, — говорю я.

— Ага, — он усмехается. — Не успела.

— Ты всегда такой подозрительный?

— Ты всегда падаешь на чужие губы?

Я сжимаю кулаки. Он дразнит меня. Он видит, что я смущена. И он наслаждается этим.

— Если бы я хотела тебя поцеловать, — говорю я, — я бы сделала это сознательно. А не падая на тебя в комнате, где в любой момент кто-то может зайти.

— И кто же сейчас зайдёт? — он делает шаг ко мне.

— Алиса, — говорю я. — Она ищет тебя.

— Я не слышу её шагов.

— Она близко.

Он смотрит на меня. Я смотрю на него. Между нами — воздух, горячий и плотный.

— Ты боишься её? — спрашивает он.

— Я не боюсь никого.

— Тогда чего ты боишься?

Я молчу. Я знаю ответ. Но я не скажу ему.

Он подходит ещё ближе. Я не отступаю.

— Чего ты боишься, Полина? — повторяет он.

— Тебя, — говорю я.

Он замирает. Смотрит на меня. В его глазах — что-то меняется.

— Хорошо, — говорит он. — Бойся. Но не отворачивайся.

— Я не отворачиваюсь.

— Тогда смотри на меня.

Я смотрю. Не отрывая взгляда. Я чувствую, как его глаза прожигают меня. Как его дыхание касается моего лица.

— Ты — странная, — говорит он.

— Ты тоже.

Он усмехается.

— Это всё, что ты можешь сказать?

— А что ещё я должна сказать?

— Может, правду?

Я смотрю на него. На его губы. На его глаза, которые сейчас не холодные, а горячие, живые.

— Правда в том, — говорю я, — что ты не знаешь, чего хочешь. Ты хочешь меня? Хочешь избавиться от меня? Или просто играешь?

Он смотрит на меня долго. Потом делает шаг назад.

— Я не играю, — говорит он. — Я просто хочу, чтобы ты перестала врать.

— Тогда скажи, чего ты хочешь.

— Я не знаю, — говорит он.

Я смотрю на него. Слышу шаги в коридоре. Алиса.

— Твоя подруга идёт, — говорю я.

— Она не моя подруга.

— Она считает иначе.

Я делаю шаг к двери. Останавливаюсь на пороге.

— Это был случай, — говорю я. — Не придавай этому значения.

— Я и не придаю, — говорит он.

— Хорошо.

Я выхожу.

Прохожу мимо Алисы в коридоре. Она смотрит на меня, прищурившись.

— Ты была в его комнате? — спрашивает она.

— Конечно, я же его невеста, имею право, — отвечаю я и спускаюсь вниз.

Я спускаюсь вниз и выхожу на улицу.

Там уже почти стемнело. Вечерние сумерки опустились на сад. Фонари мягко освещают дорожки, где-то вдалеке слышен смех — кто-то из гостей курит на веранде.

Я иду по дорожке, обхватив себя руками. Вечерний воздух холодный, но я рада ему. Он остужает моё лицо. Мои губы всё ещё горят.

Я делаю шаг, другой. Вдруг я замечаю в тени старого дуба две фигуры.

Матвей и Алиса.

Они стоят близко. Слишком близко. Она что-то говорит ему, положив руку ему на грудь. Он не отстраняется. Он слушает. Я вижу, как её пальцы касаются его пиджака.

Я застываю на месте.

Я хочу отвернуться. Я хочу уйти. Но мои ноги приросли к земле.

Алиса поднимает голову и что-то шепчет ему на ухо. Он не двигается. Он стоит, как статуя.

Моё сердце сжимается. Мне кажется, я чувствую, как оно бьётся в горле.

А потом он поднимает голову.

Он смотрит прямо на меня. Через тени, через расстояние. Наши взгляды встречаются. Я не могу дышать.

Он отстраняется от Алисы. Делает шаг назад.

— Матвей? — голос Алисы недоумевающий.

— Ничего, — говорит он. — Просто показалось.

Я отворачиваюсь. Я иду дальше по дорожке, в другую сторону. Мои шаги быстрые, но я не бегу.

Я слышу, как он говорит ей что-то ещё. Но я не разбираю слов.

Я захожу за угол дома и останавливаюсь. Прислоняюсь к стене. Закрываю глаза.

— Это ничего не значит, — шепчу я. — Это ничего не значит.

Но я чувствую, как внутри что-то сжимается.

Потому что он отстранился от неё. Как только увидел меня.

Потому что он выбрал меня. Хотя бы на секунду.

Я открываю глаза и смотрю на небо.

— Что ты делаешь со мной, Матвей? — шепчу я.

Тишина. И я возвращаюсь в дом.

Я возвращаюсь в дом.

Внутри всё так же — тихие голоса, звяканье посуды, запах ладана и цветов. Я прохожу мимо гостей, мимо стола с едой, мимо цветов, которые уже начали увядать к концу вечера.

Я хочу уйти. Сесть в машину и уехать. Но я чувствую, что не могу. Что-то держит меня здесь.

Я останавливаюсь у окна в коридоре. Смотрю в сад, где ещё минуту назад стояли Матвей и Алиса.

— Ты выглядишь так, будто потеряла что-то, — голос раздаётся сбоку.

Я поворачиваюсь.

Даниил. Он стоит в дверях гостиной, прислонившись плечом к косяку. В руках — чашка с чаем. На губах — лёгкая улыбка. Тёплая. Не как у его брата.

— Я просто устала, — говорю я.

— Это был длинный день, — он подходит ближе. — Ты отлично держалась. Тётя Вера уже говорит, что ты золото, а не невеста.

— Я просто помогала.

— Именно это им и нужно, — он усмехается. — Матвей, например, никогда не помогает на кухне.

— А ты помогаешь? — спрашиваю я.

— Я даже не знаю, где у них ложки лежат, — он смеётся. — Я просто прихожу, ем и исчезаю. Но я не виноват — я музыкант, у меня творческий беспорядок в голове.

— По крайней мере, ты не стоишь и не смотришь, как другие работают, — говорю я. — В отличие от твоего брата. Он даже палец о палец не ударит, чтобы помочь. Только команды раздаёт.

Даниил усмехается.

— О, ты уже заметила. Ну, он у нас такой. Привык, что всё делают за него. А я — другой. Я люблю делать всё сам. И музыку, и ужин, и даже посуду мыть.

— Да ну? — я улыбаюсь.

— Чистая правда, — он поднимает руки вверх. — Могу показать, как я мою посуду. Это очень увлекательное зрелище.

Я смеюсь. Негромко, но искренне.

— Ладно, — он опускает руки. — Я на самом деле подошёл не для этого. У меня есть к тебе предложение.

Он протягивает руку и кладёт мне на ладонь два билета.

— У нас группа. Небольшая. Играем в клубах, иногда на квартирниках. Я на клавишах. Через пару дней выступаем в «Старом городе». Если хочешь — приходи. Там неофициально, без галстуков. Можно просто пить пиво и слушать.

Я смотрю на билеты. Обычные. На них — логотип группы. «Птицы».

— Ты играешь в группе? — я удивлена.

— Да, — он пожимает плечами. — Это моё. Не корпорация, не «Сияние». Просто я и музыка. Ну что, придёшь?

— Я подумаю, — говорю я.

— Подумай, — он подмигивает. — Я сыграю тебе что-нибудь, если хочешь. Но не говори брату, а то он решит, что я пытаюсь украсть у него невесту.

Я убираю билеты в карман.

— Спасибо, — говорю я. — Наверное, я приду.

— Отлично, — он улыбается. — Буду ждать.

Он машет рукой и уходит.

Я остаюсь стоять у окна. Смотрю на билеты в руке.

«Птицы».

Какое дурацкое название.

Но я улыбаюсь. Потому что впервые за весь день я почувствовала себя не частью сделки, а просто человеком. Которого зовут на концерт. Просто так.

Я смотрю в сад. Там уже никого нет.

— Может быть, — говорю я. — Может быть, это будет хорошо.

Я убираю билеты в карман и захожу на кухню, чтобы помочь убрать посуду.

Зоя Васильевна уже там. Она стоит у раковины и пытается закрыть кран, который течёт.

Вода капает в раковину с монотонным стуком. Кап. Кап. Кап.

— Чёртов кран, — ворчит она. — Всю воду переведёт к утру.

Она пытается повернуть вентиль сильнее, но кран не поддаётся. Вода продолжает капать.

— Дайте я посмотрю, — говорю я, подходя ближе.

— Ты умеешь? — она смотрит на меня с сомнением.

— Я в отеле выросла. Там всё приходится чинить самой.

Зоя отступает в сторону, освобождая мне место. Я наклоняюсь под раковину, осматриваю трубы. Вижу, в чём дело — прокладка слетела, вода просачивается через резьбу.

Я откручиваю вентиль, поправляю прокладку, закручиваю обратно. Всё — за две минуты. Руки помнят эту работу.

Я выпрямляюсь, открываю кран — вода течёт ровно, без капель.

— Всё, — говорю я, вытирая руки о полотенце. — Больше не течёт.

Зоя смотрит на меня с уважением.

— Вот это я понимаю, — говорит она. — А наш Матвей, когда попробовал починить, только хуже сделал. Пришлось сантехника вызывать.

Я чувствую, как мои губы сами собой растягиваются в улыбку.

— Он не привык к такой работе, — говорю я.

— Привыкнет, — усмехается Зоя. — С такой женой быстро привыкнет.

Я опускаю голову, прячу улыбку.

Кто-то из женщин, стоящих рядом, добавляет:

— Золотые руки у девочки. И голова на месте. Матвею повезло.

— Ещё бы, — ворчит Зоя, но я слышу в её голосе одобрение.

Я убираю инструменты на место и поворачиваюсь, чтобы идти.

И замираю.

В дверях кухни стоит Матвей.

Он смотрит на меня. Молча. Без улыбки. Но в его глазах — что-то новое. Я не могу понять, что именно.

Он не говорит ни слова. Просто смотрит на мои руки, на кран, на Зою, которая одобрительно кивает в мою сторону.

— Ну что, Матвей, — говорит Зоя. — Смотри, какая у тебя невеста. И руки на месте, и голова. А не то что некоторые...

Он молчит. Он смотрит на меня.

Я чувствую его взгляд на своей коже. Он не злой. Он не холодный. Он — другой. Внимательный.

Я делаю шаг к выходу. Прохожу мимо него в дверях.

— Всё хорошо? — шепчу я.

— Да, — отвечает он. — Всё хорошо.

Я выхожу из кухни. Иду по коридору.

Я чувствую, как его взгляд всё ещё на мне.

Я не оборачиваюсь.

Вечер заканчивается.

Гости разъехались. Тишина оседает в особняке, как пыль. Я стою у выхода, надеваю пальто. Татьяна подходит, целует меня в щёку.

— Спасибо, что пришла, — говорит она. — Ты была сегодня... настоящей.

Я киваю. Я не знаю, что ответить.

— Я провожу тебя, — голос раздаётся сбоку.

Я поворачиваюсь. Матвей. Он уже в пальто. Смотрит на меня.

— Не нужно, — говорю я. — Я на машине.

— Я отвезу тебя, — он берёт мою сумку. — Твоя машина останется здесь. Завтра заберёшь.

Я смотрю на него. Он не спрашивает. Он утверждает.

Я не спорю. Я слишком устала.

Мы выходим на улицу. Свежий воздух ударяет в лицо. Мы молча идём к его машине. Он открывает мне дверцу. Я сажусь. Он закрывает дверь.

Я слышу, как он обходит машину, открывает свою дверь, садится за руль. Заводит двигатель. Машина плавно трогается с места.

Мы едем в тишине.

Город проплывает за окнами. Огни фонарей размазываются в мокром стекле. Я смотрю на них, но не вижу.

Я чувствую его рядом. Чувствую его молчание.

— Ты сегодня хорошо работала на кухне, — говорит он первым.

Я поворачиваю голову.

— Ты удивлён?

— Нет, — говорит он. — Просто... не ожидал, что ты умеешь чинить краны.

— Я умею многое, — говорю я. — Просто ты не замечаешь.

— Я замечаю, — говорит он. — Когда надо.

Я смотрю на него. Он смотрит на дорогу. Профиль. Тени под скулами.

— Зоя сказала, что ты пытался починить этот кран, — говорю я. — И у тебя не получилось.

— У меня не было нужных инструментов.

— У тебя были руки. Этого достаточно.

Он усмехается.

— Ты хочешь сказать, что я ничего не умею?

— Я хочу сказать, что ты не привык делать что-то руками, — говорю я. — Ты привык, что всё делают за тебя.

— Это плохо?

— Это... по-человечески, — говорю я. — Ты просто не знаешь, как это — испачкать руки.

Он смотрит на меня. На секунду дольше, чем нужно.

— Ты права, — говорит он тихо. — Я не знаю.

Мы замолкаем.

Он останавливается у моего дома. Выключает двигатель. Поворачивается ко мне.

— Полина, — говорит он.

— Что?

— Зачем ты сегодня пришла? На поминки. Ты могла отказаться.

— Твоя мать сказала, что это важно для семьи.

— Она многое говорит. Но ты не обязана её слушать.

Я смотрю на него.

— Я пришла, потому что я хотела, — говорю я. — Я хотела увидеть, кто вы все на самом деле. Не в галстуках и улыбках. А просто люди.

— И что ты увидела?

— Что ты умеешь молчать, когда нужно, — говорю я. — И что твоя мать умеет управлять. И что твой брат... он другой. Он умеет быть настоящим.

— Я тоже умею.

— Ты умеешь притворяться.

Он смотрит на меня. В его глазах — что-то меняется. Я не могу понять, что именно.

— Ты думаешь, я притворяюсь с тобой?

— Я не знаю, — говорю я. — Но я хочу знать.

Он молчит. Долго.

— Тогда оставайся собой, — говорит он. — И я останусь собой. Посмотрим, что получится.

Я открываю дверцу. Выхожу из машины. Оборачиваюсь.

— Спокойной ночи, Матвей.

— Спокойной ночи, Полина.

Я захожу в дом. Иду к себе. Сажусь на кровать.

Я смотрю на пустую стену.

Он солгал. Он не знает, как быть собой. Он просто хочет, чтобы я была рядом. Чтобы я научила его.

И я, кажется, хочу ему помочь.

Я захожу в дом.

Тихо. Мать уже спит. Егор ещё не вернулся. Я одна.

Я поднимаюсь к себе. Закрываю дверь. Снимаю пальто, бросаю на стул. Сажусь на кровать.

Тишина.

Я смотрю на свои руки. Они ещё помнят холодный металл крана. Помнят его взгляд, когда он смотрел на меня на кухне. Помнят, как он молчал, а я чувствовала его дыхание на своих губах.

Я закрываю глаза.

В темноте — его лицо. Его губы. Случайное касание. Доля секунды. Но я помню.

Я открываю глаза. Смотрю на кулон. Он лежит на тумбочке. Холодный. Тяжёлый.

— Зачем ты это сделал? — шепчу я. — Зачем ты поцеловал меня?

Я знаю, что он не целовал. Мы просто коснулись губами. Но внутри — всё перевернулось.

Я беру кулон в руку. Он холодный. Как и он. Но я чувствую, как под пальцами он нагревается.

Я злюсь на себя.

— Ты не должна думать о нём, — говорю я. — Он — просто сделка. Он не твой. Он — никто.

Но я не верю своим словам.

Я ложусь на кровать. Смотрю в потолок.

Я вспоминаю, как он смотрел на меня в машине. Как его пальцы сжимали руль. Как он молчал, когда я сказала, что он боится.

Он боится. Он боится меня. Боится того, что я вижу его настоящего.

Я тоже боюсь.

Я боюсь, что он не просто сделка.

Я боюсь, что он — тот, кто может разрушить всё, что я построила. Или построить заново.

Я закрываю глаза.

— Спокойной ночи, Матвей, — шепчу я.
Я не знаю, почему я это говорю. Но я чувствую, что он слышит.
Где-то там. В своей комнате. Или в своей машине.
Я медленно проваливаюсь в сон.
И последнее, что я вижу, — его глаза. Серые. Горячие. Живые.
Я не хочу думать о нём.
Но я не могу перестать.
КОНЕЦ ГЛАВЫ 3.

ГЛАВА 4. «На пороге тайны».

Я просыпаюсь от света.

Не от будильника. Не от голоса матери. Просто от света, который лезет в глаза через щель в шторах, и от того, что тело уже знает — надо вставать.

Я смотрю на потолок. Пара секунд тишины. Хорошо.

Никаких мыслей о нём. Никаких глупых воспоминаний. Я просто встаю.

Ноги на холодный пол. Паркет скрипит под пальцами. Я иду в ванную, смотрю на себя в зеркало. Бледная? Да. Уставшая? Ну, это не новость. Глаза — живые. Это главное.

Я умываюсь, запрокидывая голову, давая воде стекать по лицу. Холодно. Отлично.

— Ты — Островская, — говорю я себе в зеркало. — Ты не развалишься. Ты просто выживешь. Назло им всем.

Я возвращаюсь в комнату. Накидываю джинсы, свитер, куртку. Волосы в хвост. Без украшений. Без кулонов. Без роз. Никаких напоминаний.

На кухне стоит записка от матери: «В холодильнике еда. Завтра совещание в банке. Не опаздывай».

Я фыркаю. Она думает, что я помню. Я помню. Но меня бесит, что она напоминает. Как будто я ребёнок.

Я пью кофе стоя. Горький, без сахара. Смотрю в окно на город, который уже проснулся. Машины. Люди. Собаки. Жизнь. Я чувствую, как внутри закипает злость. На неё. На них. На этого красавчика Горского, который смотрит свысока, потому что у него всё есть.

— Думаешь, ты лучше? — спрашиваю я пустой город. — Ну-ну.

Я ставлю кружку в мойку. Слышу, как она звякает о металл.

— Увидимся, Матвей. Посмотрим, кто из нас первый сломается.

Я беру ключи. Выхожу из дома.

Утро. Свежий воздух бьёт в лицо. Мокрый асфальт блестит. Я вдыхаю полной грудью, и внутри просыпается знакомое чувство. Я не дам им себя сломать. Я покажу им всем.

Я сажусь в машину и с силой захлопываю дверь.

— Поехали, — говорю я себе.

Я захожу в кабинет отца, и тишина встречает меня как старая знакомая. Я сажусь за стол, открываю ноутбук, но не успеваю даже войти в систему — дверь открывается без стука.

Мать входит, сразу садится в кресло напротив, даже не поздоровавшись. Она смотрит на меня так, будто я уже сделала что-то не так.

— Ты видела отчёт от поставщиков? — спрашивает она.

— Видела.

— И?

— И я не знаю, как мы будем платить по этим счетам, если в следующем месяце не будет новых броней.

Я смотрю на неё. Она молчит. Я знаю, что она думает о том же, о чём и я.

— Банк даёт нам отсрочку только потому, что ты невеста Горского, — говорит она. — Это единственная причина, почему мы до сих пор не вылетели на улицу.

— Я знаю, мама.

— Нет, ты не знаешь, — она подаётся вперёд. — Ты думаешь, что это просто слова. Но если ты не дашь им повод верить, что этот брак состоится, они отзовут все свои обещания. И мы останемся ни с чем.

Я смотрю на неё. Внутри — злость. Она говорит мне то, что я знаю. Она думает, что я не понимаю. Она думает, что я ребёнок, который не видит, что происходит вокруг.

— Я понимаю, — говорю я. — Я знаю, что мы держимся только потому, что они ждут денег от Горских. Я знаю, что без этого брака мы никто. Я знаю.

— Тогда почему ты сидишь с таким лицом, будто тебя ведут на казнь?

Я открываю рот, чтобы ответить, но она не даёт мне этого сделать.

— Ты должна найти подход к нему, Полина. Не просто стоять рядом и улыбаться. Ты должна сделать так, чтобы он захотел этот брак. Чтобы он поверил, что ты — та, кто ему нужна.

Я откидываюсь на спинку стула.

— И как ты это себе представляешь? Буду ходить за ним с мокрыми ресницами и говорить, какой он замечательный?

— Я представляю, что ты перестанешь вести себя так, будто он твой враг, — она говорит ровно, без эмоций. — Он не твой враг. Он — твой единственный шанс.

Я сжимаю пальцы в кулак.

— Ты предлагаешь мне притворяться перед ним.

— Я предлагаю тебе сделать так, чтобы ему было легко с тобой, — она смотрит на меня. — Потому что если ему будет трудно — он найдёт способ разорвать этот брак. И тогда мы потеряем всё.

Я смотрю на неё. Внутри — тяжесть. Я знаю, что она права. Но я не могу заставить себя улыбаться ему просто так.

— Я поняла, — говорю я.

— Хорошо, — она делает паузу. — Сегодня утром звонила Татьяна Горская. Она хочет встретиться со мной. Обсудить подготовку к свадьбе и мероприятие, которое они планируют. Сказала, что это важно для компании. Я встречу с ней завтра.

— Она звонила тебе, чтобы обсудить мою свадьбу? — я поднимаю бровь. — Со мной она не захотела говорить?

— Ты не отвечала на звонки, — мать пожимает плечами.

Я смотрю на свой телефон. Три пропущенных. Я не заметила.

— И что она хочет обсуждать?

— Всё, что касается подготовки, — говорит мать. — Ты должна быть готова к тому, что это будет не просто разговор о цветах и платье. Это деловой выход в свет. Они хотят, чтобы всё прошло идеально.

Я смотрю на неё. Она не шутит.

— Хорошо, — говорю я. — Пусть обсуждают. Меня это не касается.

— Касается, — мать смотрит на меня строго. — Ты — главное лицо на этом мероприятии. Ты должна быть готова. Я передам тебе всё, что мы обсудим.

Она встаёт. Поправляет юбку.

— Я хочу, чтобы ты поняла, Полина. Это не просто разговор о свадьбе. Это твой первый шаг в их мир. От того, как ты себя покажешь, зависит, будут ли они воспринимать тебя всерьёз. Не оплошай.

Она выходит. Я слышу, как за ней закрывается дверь.

Я смотрю на ноутбук. Смотрю на цифры на экране. Смотрю на свои руки.

Я вдруг чувствую, что на губах появляется усмешка.

— Первый шаг в их мир, — говорю я вслух. — Ну-ну.

Я закрываю ноутбук и иду к окну.

Пусть встречаются. Пусть обсуждают. Я всё равно сделаю по-своему.

Я смотрю в окно, когда телефон на столе вибрирует.

Беру. Не глядя. Думаю, опять мать. Но на том конце — мужской голос. Молодой, чёткий, официальный.

— Добрый день, Полина Сергеевна. Это Максим, помощник Матвея Константиновича.

Я замираю на секунду.

— Слушаю.

— Матвей Константинович поручил мне сообщить, что послезавтра в 10 утра состоится интервью с корпоративным журналом. Ваше присутствие обязательно. В главном офисе компании.

— Интервью? — я переспрашиваю, хотя всё слышала.

— Да. Совместное интервью. Матвей Константинович будет ждать вас в 10 утра. Просьба быть вовремя.

Я сжимаю телефон.

— И он не мог сам мне позвонить?

Голос помощника остаётся ровным, без тени смущения:

— Матвей Константинович сейчас на переговорах. Он просил передать, что это важно для компании.

— Передайте Матвею Константиновичу, — говорю я, чувствуя, как в голосе прорезается лёгкая усмешка, — что я приду. Но в следующий раз он может позвонить сам. Я не кусаюсь.

На том конце — короткая пауза.

— Я передам. Хорошего дня.

Я кладу трубку.

Смотрю на телефон. Потом на пустую стену перед собой.

— Интервью послезавтра, — говорю я вслух. — И он даже не удосужился позвонить сам.

Я чувствую, как внутри закипает злость. На него. На его высокомерие.

— Ладно, — говорю я себе. — Послезавтра так послезавтра.

Я открываю ноутбук и смотрю на экран.

— Но запомни, Матвей. Ты не будешь мной командовать.

Я всё ещё смотрю на телефон, когда он снова вибрирует.

На этот раз я смотрю на экран. Незнакомый номер. Я хочу сбросить. Но что-то останавливает.

— Алло? — голос звучит резче, чем я планировала.

— Полина, это я.

Я узнаю голос. Тёплый, знакомый, как старый свитер, который носишь дома.

— Денис?

— Он самый, — в его голосе — улыбка. — Ты не узнала? Неужели моя бедная подруга уже забыла, как я звучу?

Я выдыхаю. Сам не знаю, с облегчением или с раздражением.

— Я просто... занята, — говорю я. — У меня тут день такой.

— Я знаю, — он перестаёт улыбаться. — Я поэтому звоню. Ты выглядишь уставшей в последнее время. Я хочу тебя накормить.

— Ты меня накормить? Это что-то новенькое.

— Я открыл ресторан, помнишь? Приходи сегодня вечером. Я сам приготовлю. У нас тихий уголок. Никто не будет тебя дёргать.

Я смотрю на часы. Три часа дня. Дома ждёт пустой холодильник и тишина.

— Я не знаю... — тяну я.

— Ты знаешь, — перебивает он. — Ты хочешь прийти. Я слышу это по голосу.

Он всегда чувствовал. Он всегда знал. Когда я злилась, он просто молчал рядом. Когда я хотела плакать, он давал мне плечо. Денис был единственным человеком, рядом с которым мне не нужно было играть.

— Ладно, — говорю я. — Во сколько?

— В восемь. Я буду ждать. И запомни: я не Матвей Горский, я не буду тебя проверять.

Я усмехаюсь.

— Хорошо. Я приду.

— Вот и молодец.

Он кладёт трубку. Я смотрю на телефон. Где-то внутри — лёгкое тепло. Я знаю, что ужин с Денисом — это передышка. Он не будет спрашивать о свадьбе, о Матвее, о корпорации. Он просто будет рядом. И я смогу дышать.

Я убираю телефон в карман и смотрю в окно.

— Хорошо, — говорю я. — Вечером я буду есть и просто молчать.

Я захожу в ресторан, и воздух здесь другой.

Тёплый, с запахом хлеба и специй. Деревянные столы, свечи в стеклянных стаканах, живые цветы в жестяных банках. Здесь не пахнет деньгами. Здесь пахнет уютом. Домом.

Денис встречает меня у входа. Он в фартуке, на щеке — мука. Глаза смеются.

— Ты пришла, — он обнимает меня. Крепко, как в детстве.

— Ты выглядишь как пекарь, — говорю я.

— Я и есть пекарь. Иди сюда, я покажу тебе мой тайный столик.

Он ведёт меня в дальний угол, где почти никого нет. Мягкий свет, тишина, вид на улицу через большое окно. Он усаживает меня, сам садится напротив.

— Я буду есть, — предупреждаю я. — Просто есть и молчать. Хорошо?

— Молчи сколько хочешь, — он улыбается. — Я просто рад, что ты здесь.

Он приносит вино. Я делаю глоток. Оно тёплое, терпкое. Я чувствую, как тело расслабляется. Как напряжение уходит из плеч.

Мы едим в тишине. Он не спрашивает меня ни о чём. Он просто сидит и смотрит. Но я чувствую, что он рядом.

— Денис, — говорю я. — Спасибо.

— За что?

— За то, что ты не спрашиваешь.

— Я знаю, что ты расскажешь, когда будешь готова.

Я смотрю на него. Свет свечи отражается в его глазах.

— А если я никогда не буду готова?

— Тогда я буду просто сидеть рядом. Пока ты не захочешь говорить.

Я чувствую, как внутри что-то сжимается. Он — другой. Он не Матвей. Он не требует. Он просто есть.

— Я не хочу этого брака, — вырывается у меня.

— Я знаю, — говорит он.

— Я не хочу его.

Я чувствую, как слова рвутся наружу. Как накопившаяся за неделю боль находит выход.

— Я не хочу стоять рядом с ним и улыбаться. Я не хочу быть его женой. Я хочу просто жить. Быть свободной. Дышать. Как раньше.

Я замолкаю. Он не перебивает.

— Ты можешь остановить это, — говорит он. — Ты всегда можешь остановить.

— Не могу. Если я остановлюсь — мать потеряет всё. Отель. Дом. Надежду.

— А ты? — он смотрит на меня. — Ты потеряешь себя.

Я молчу.

Он протягивает руку и касается моей ладони. Тёплой. Шершавой. Настоящей.

— Пока ты не вышла замуж, — говорит он, — ты можешь делать всё, что захочешь.

Я поднимаю на него глаза.

— Я знаю, — шепчу я.

Он медленно наклоняется ко мне. Я чувствую его дыхание на своих губах. Я закрываю глаза.

— Денис...

— Я знаю, — он останавливается. — Я не буду. Но я хочу, чтобы ты знала: я готов ждать. Когда ты решишь — я буду здесь.

Я открываю глаза. Он отстраняется.

— Спасибо, — говорю я.

— Не за что.

Мы снова едим. В тишине. Но теперь она не тяжёлая. Она — добрая.

Я доедаю, отодвигаю тарелку и чувствую, как внутри становится легче. Не от еды — от того, что он просто сидит напротив. Не требует. Не давит. Просто есть.

— Мне пора, — говорю я, хотя не хочу уходить.

— Я провожу.

Он встаёт, обходит стол. Я тоже поднимаюсь. Мы стоим друг напротив друга, и вдруг он делает шаг вперёд и обнимает меня.

Крепко. По-настоящему. Я чувствую его руки на своей спине, его дыхание у виска. Я закрываю глаза и позволяю себе на секунду забыть, кто я. Кем я должна быть.

— Спасибо, — шепчу я.

— Я хочу быть с тобой, Полина, — говорит он тихо. — Но я знаю, что для тебя всегда будет важнее семья, чем ты сама. Поэтому я просто буду рядом. Когда ты будешь готова — я здесь.

Я сжимаю его в ответ. Коротко. Потом отстраняюсь.

— Я позвоню, — говорю я.

— Я буду ждать.

Я выхожу из ресторана.

Ночной воздух ударяет в лицо. Холодный, влажный. Я иду к машине.

Я чувствую на себе его взгляд. Но я не оборачиваюсь.

Я заезжаю на парковку перед офисным центром «Сияния» и на несколько секунд просто смотрю на стеклянную башню, которая упирается в серое небо. Высоко. Слишком высоко. Как он. Как они все.

Я выхожу из машины, захлопываю дверь. Внутри уже зреет раздражение — он даже не позвонил сам. Прислал секретаря. Мальчика с ровным голосом. Просто сказал: «Она должна быть». И я здесь. Как по команде.

В холле — прохлада кондиционеров, зеркальные стены, охранник за стойкой. Я называю своё имя, и меня пропускают. Всё как в фильмах про богатых людей — никаких лишних вопросов, только вежливые кивки.

Я прохожу через турникет и оказываюсь в просторном вестибюле. Справа — стойка ресепшн, слева — лифты. Посередине — толпа. Сотрудники, посетители, кто-то с кофе, кто-то с папками. И вдруг среди всего этого — крик.

— Я не уйду! Пусть он выйдет! Я требую справедливости!

Я поворачиваю голову.

Молодая девушка. Лет двадцать пять, не больше. В простой блузке, с трясущимися руками и красным от слёз лицом. Она стоит напротив охранников, которые пытаются её увести. Она вырывается.

— Он меня уволил! Два года работы! Два года! А теперь ему просто нужно было место для своей новой протезы! Он вышвырнул меня, как мусор!

Я замираю. Я не хочу вмешиваться. Но я смотрю на неё и чувствую, как внутри поднимается что-то тёплое и злое.

— Где он? Пусть выйдет! Пусть посмотрит мне в глаза! Пусть скажет, почему я должна страдать из-за того, что ему стало тесно!

Она вырывается из рук охранника и бежит к лифтам. Но у дверей появляется он.

Матвей.

Спокойный, в идеально сидящем костюме, с каменным лицом. С ним — Алиса. Она стоит чуть позади, скрестив руки на груди, и смотрит на девушку с лёгкой усмешкой. Рядом с Матвеем — Максим, его помощник. Он держит планшет и смотрит на происходящее бесстрастно.

— Марина Викторовна, — голос Матвея ровный, без эмоций. — Вы нарушаете порядок. Я прошу вас покинуть здание.

— Я не уйду! — девушка трясёт головой. — Ты меня уволил, потому что я сказала правду! Потому что я видела, что ты делаешь! Ты думаешь, что ты выше всех?

Алиса тихо говорит что-то Матвею на ухо. Он не реагирует.

— Охрана, — говорит он.

Охранники снова подходят к ней. Она отбивается. Рвётся вперёд. Я вижу, как она тянет руку к сумке.

И в следующий момент она достаёт пакет.

Красный. С помидорами.

— Вот, получай, Горский! — кричит она.

Она швыряет пакет.

Я вижу, как томаты летят в воздухе. Я вижу, как он не двигается с места. Как охранники не успевают ничего сделать. Алиса дёргается, прикрываясь рукой, но томаты летят не в неё.

Я вижу, как пакет пролетает мимо него и летит в мою сторону.

Я не успеваю увернуться. Я просто стою, и холодная красная масса ударяет меня в грудь, разлетается по одежде, по лицу, по волосам. Я чувствую запах томатов. Вкус на губах. Ощущение липкой жижи на коже.

Девушку уводят. Она кричит. Её голос затихает.

Тишина в вестибюле становится плотной. Все смотрят на меня.

На меня, стоящую с томатами на белой блузке.

Матвей подходит ко мне. Смотрит на меня. Я вижу его глаза. Он ничего не говорит. Он просто смотрит.

Алиса остаётся стоять в стороне. На её лице — смесь удивления и лёгкого превосходства. Она явно не ожидала, что томаты попадут в меня. Максим молча записывает что-то в планшет.

— Привет, — говорю я, вытирая лицо. — Я на интервью. Ты не предупреждал, что оно будет такое весёлое.

Он не улыбается. Его лицо — маска.

— Я сейчас пришлю кого-нибудь, — говорит он. — Ты можешь переодеться.

— А ты не хочешь извиниться?

— За что? — он поднимает бровь.

— За то, что в меня прилетело вместо тебя.

Он смотрит на меня. В его глазах — ничего.

— Ты пришла на интервью, — говорит он. — Ты должна выглядеть прилично. Это не моя вина, что ты оказалась на линии огня.

— Выходит, ты не виноват, что увольняешь людей?

— Я не обсуждаю кадровые решения на публике.

— А обсуждаешь их в кабинете, когда тебя никто не видит?

— Полина, — говорит он. — Иди переоденься. Мне нужно, чтобы ты была на интервью. А не в помидорах.

Он разворачивается и уходит. Алиса бросает на меня короткий взгляд и идёт за ним. Максим останавливается на секунду:

— Я провожу вас в комнату для персонала. Там есть всё необходимое.

Я смотрю ему вслед и чувствую, как внутри закипает злость.

— Козёл, — шепчу я.

Я вытираю лицо ладонью. На пальцах — томатная мякоть.

— Хорошо. Я переоденусь. А потом мы поговорим.

Я иду за Максимом. Позади — запах помидоров и гул голосов.

Максим провожает меня в комнату для персонала на втором этаже. Маленькая, но чистая. Зеркало во всю стену, мягкий диван, вешалка. На столике — салфетки и бутылка воды. Я смотрю на своё отражение в зеркале и чувствую, как внутри закипает злость.

Волосы в томатной мякоти. Блузка испорчена. Я выгляжу так, будто меня только что вытащили из помойки.

Я беру салфетку и пытаюсь оттереть лицо. Томаты оставляют рыжие разводы. Я смотрю на свои руки и чувствую, как они дрожат.

— Отлично, — говорю я своему отражению. — Просто отлично.

Я снимаю блузку, кидаю её на диван. Она пахнет кислым. Я чувствую себя униженной. Не потому что в меня попали помидоры. А потому что он стоял и смотрел, как будто это не его проблема. Как будто я просто ошибка.

Я подхожу к зеркалу. На мне — топик, который я надела на всякий случай. Слава богу, я не доверяю погоде. Я вытираю лицо ещё раз. Провожу пальцами по волосам. Томатная мякоть уже начала засыхать.

Стук в дверь.

— Войдите, — говорю я.

Дверь открывается. Алиса. В руках — чёрная сумка.

— Принесла тебе вещи, — говорит она. — В гардеробной Матвея висят запасные пиджаки. Я подобрала что-то подходящее.

Я смотрю на неё. Она улыбается. Но улыбка — дежурная, холодная, как сталь.

— Спасибо, — говорю я.

— Не за что, — она ставит сумку на столик. — Матвей просил передать, что ждёт тебя в конференц-зале через пятнадцать минут.

— Матвей просил? Он не мог сам сказать?

— Он занят. Интервью не должно задерживаться.

Я смотрю на неё. Она смотрит на меня. Я вижу в её глазах лёгкое превосходство.

— Ты была рядом с ним, когда это произошло, — говорю я. — Ты видела эту девушку.

— Я видела нарушительницу, — она пожимает плечами.

— Она говорила, что он уволил её несправедливо.

— Сотрудники всегда говорят так, когда их увольняют.

— Ты знаешь, что она сказала правду?

Алиса усмехается. Она не смотрит на меня, а поправляет свои волосы.

— Полина, — говорит она. — Ты ещё не поняла, как работает этот мир? Здесь не бывает правды. Только факты. А факт в том, что она нарушила контракт. И он уволил её по закону. Всё остальное — её слова.

— А если слова — правда?

— Тогда это её проблема. А не моя.

Я смотрю на неё. Она не злая. Она просто другая. Она родилась в этом мире, где всё решается деньгами и контрактами.

— Спасибо за вещи, — говорю я сухо.

— Не за что, — она разворачивается и выходит.

Дверь за ней закрывается. Я смотрю на чёрную сумку. Внутри — блузка и пиджак. Белые, дорогие, идеально сидящие.

Я смотрю на своё отражение в зеркале.

— Ты не такая, как они, — говорю я себе. — Ты не должна играть по их правилам.

Но я надеваю блузку.

Она пахнет парфюмом. Не моим. Чужим.

Я чувствую, что это — ещё одна клетка. Но я не могу из неё выбраться.

Я поправляю волосы. Смотрю на себя ещё раз.

И выхожу в коридор.

Пора на интервью.

Я вхожу в конференц-зал. Свет льётся отовсюду — из окон, из софитов, из стеклянных стен. В этом свете всё кажется идеальным: длинный стол, камера на штативе, журналистка с улыбкой. И он. Сидит уже здесь. В идеальном пиджаке, с лёгкой улыбкой на лице.

— Ты вовремя, — говорит он.

— Я всегда вовремя, — отвечаю я.

— Я знаю.

Я сажусь рядом. Между нами — расстояние в ладонь. Журналистка улыбается нам с противоположной стороны.

— Вы такая красивая пара! — она протягивает руку. — Очень рада познакомиться!

— Взаимно, — я пожимаю её руку.

— Присаживайтесь.

Я сажусь. Матвей смотрит на меня. Я чувствую его взгляд. Но я чувствую и другой. Я поворачиваю голову и вижу Алису. Она стоит в углу комнаты, скрестив руки на груди. Она не улыбается. Она смотрит на нас. На него. На меня. Её взгляд — стеклянный, холодный. Она наблюдает.

Я чувствую, как внутри поднимается что-то тёплое. Не злость. Что-то другое. Игривое. Я подвигаю свой стул ближе к Матвею. На несколько сантиметров. Чтобы почти касаться плечом. Я вижу, как Алиса замечает это. Её глаза сужаются.

Я кладу ладонь на его руку. Он вздрагивает. Я чувствую это. Я провожу пальцами по его запястью. Медленно, едва заметно. Игра. Шалость. И я вижу, как его пальцы слегка сжимаются в ответ.

Журналистка задаёт вопросы. Мы отвечаем. Смеёмся. Касаемся друг друга. Он берёт мою руку в свою, когда говорит о наших планах. Я поправляю его воротник, когда он поворачивается к журналистке.

— Расскажите, как вы познакомились, — говорит она.

— Мы знакомы с детства, — я поворачиваюсь к нему, улыбаясь. — Он всегда был рядом. И я не замечала, как он смотрит на меня.

— Я смотрел, — говорит он. — Ты просто не замечала.

— Я заметила, — говорю я. — Когда поняла, что не могу без тебя.

Он смотрит на меня. В его глазах — удивление. Может быть, он думает, что я слишком хорошо играю.

— Как вы поняли, что это любовь? — журналистка смотрит на нас, записывая.

— Она просто была, — говорит он. — Я не могу объяснить. Но я понял, что если отпущу её — потеряю что-то важное.

— Он очень романтичный, когда хочет, — говорю я, улыбаясь. — Надо просто заставить его говорить.

— Ты заставляешь, — он усмехается. — Всегда.

Мы смеёмся. Я чувствую, как его пальцы сжимают мои. Я смотрю на него и вижу, как он смотрит на меня. Алиса в углу зала не отрывает от нас взгляда. Я чувствую, как он жжёт.

— Что вы хотите друг другу пожелать? — журналистка делает последний вопрос.

— Чтобы мы всегда оставались такими, — говорю я, глядя на него. — Настоящими.

— Чтобы она всегда так смотрела на меня, — говорит он. — Как сейчас.

Я смотрю в его глаза. И на секунду мне кажется, что он не играет.

Когда интервью заканчивается, журналистка прощается и выходит. Алиса всё ещё стоит в углу. Она смотрит на меня. Я смотрю на неё.

— Можешь оставить нас, — говорит он.

Алиса молчит секунду. Потом разворачивается и выходит. Дверь закрывается за ней.

— Ты хорошо сыграла, — говорит он.

— Ты тоже, — я убираю руку. — Я почти поверила, что ты умеешь быть нежным.

— Я умею, — он смотрит на меня. — Просто не с тобой.

— Я заметила, — я усмехаюсь. — Но ты всё равно сегодня был неплох.

— Ты тоже.

Тишина.

— Мне пора, — говорю я.

— Я провожу.

— Я дойду сама.

— Я сказал, провожу.

Он встаёт и идёт к двери. Я иду за ним.

Мы выходим в коридор. Алиса стоит у окна, скрестив руки на груди. Я прохожу мимо неё. Замедляю шаг. Поворачиваю голову и смотрю ей прямо в глаза. Улыбаюсь. Не насмешливо. Победно.

— До встречи, Алиса, — говорю я.

Она молчит. Её глаза — как лёд. Но она не отводит взгляд.

Я разворачиваюсь и иду к лифту. Чувствую её взгляд на своей спине. Матвей идёт рядом.

— Ты специально, — говорит он тихо.

— Я всегда специально, — отвечаю я.

Мы доходим до выхода. Он стоит у дверей и смотрит мне вслед.

Я выхожу из здания «Сияния» и останавливаюсь на ступеньках.

Ветер бьёт в лицо. Холодный, влажный. Я глубоко вдыхаю и чувствую, как воздух заполняет лёгкие, вымывая из них запах чужих духов и его одеколона. Я смотрю на город, который течёт мимо меня: машины, люди, светофоры, спешка. Обычная жизнь. Без стеклянных стен и софитов.

Я иду к парковке. Шаги громко стучат по асфальту. Я считаю их, чтобы не думать о том, что только что произошло. О его пальцах на моей руке. О его взгляде. О том, как я почти поверила.

Вдруг я вижу её.

Она сидит на скамейке у входа в сквер, напротив здания «Сияния». Сжатая в комок, с красными глазами и размазанной тушью. Та самая девушка, которая кинула в меня помидоры. Она смотрит в землю и не замечает меня.

Я останавливаюсь.

Я могла бы пройти мимо. Я могла бы сделать вид, что не вижу. Но я смотрю на неё и чувствую, как внутри шевелится что-то знакомое. Злость. Не на неё. На него.

Я подхожу ближе.

Она поднимает голову. Её глаза расширяются, когда она узнаёт меня. Она видит пятна на моей блузке — те, что не отстирались. Она сглатывает.

— Я... я не хотела, чтобы в вас попали, — говорит она. — Я целилась в него.

— Я знаю, — говорю я.

Я сажусь рядом с ней на скамейку. Она смотрит на меня с недоверием.

— Зачем вы подошли? — спрашивает она. — Чтобы сказать, что я психопатка? Чтобы пожаловаться на меня?

— Я не собираюсь жаловаться, — говорю я.

Она смотрит на меня. В её глазах — боль и усталость.

— Я не знаю, зачем я это сделала, — говорит она. — Я знаю, что это глупо. Что это ничего не изменит. Но я просто... я больше не могла молчать.

— Что случилось?

Она молчит. Я жду. Я не тороплю её.

— Я работала в «Сиянии» два года, — говорит она. — Два года. Я пришла сразу после университета. Я старалась. Я работала по ночам, я не брала отпуск, я ждала повышения. А потом меня уволили. Сказали, что я допустила ошибку в документах. Я не знаю, как это вышло. Я перепроверяла всё сто раз. Но кто-то сказал, что это я. И меня вышвырнули.

— Ошибка в документах? — переспрашиваю я.

— Да, — она кивает. — Какая-то цифра. Какая-то строка. Я не знаю. Я даже не видела этих бумаг. Мне просто сказали: «Ты ошиблась, ты уволена». И всё. Никаких объяснений. Никакого шанса.

Я смотрю на неё. Она говорит тихо, но в её голосе — горечь и обида.

— А что теперь? — спрашиваю я.

— Теперь я не знаю, что делать, — она опускает голову. — У меня мама больная. Она лежит, почти не встаёт. Лекарства дорогие, я еле сводила концы с концами. А ещё братья — младшие, совсем дети. Я их тянула на себе. А теперь... я не знаю, что я буду делать.

Она замолкает. Я вижу, как её плечи опускаются. Как она сжимает сумку, будто боится, что её отнимут.

— Мне платить за квартиру. За лекарства. За школу. Я не знаю, куда мне идти. Куда податься. Я думала, что если устрою скандал, может быть, он одумается. Но он просто вызвал охрану.

Я молчу. Я смотрю на неё и чувствую, как внутри закипает новая злость. Не на неё. На него. На этот мир, где люди решают всё цифрами в документах и не видят лиц.

— Я поговорю с ним, — говорю я.

— С ним? — она хмурится. — Вы не можете. Он не станет слушать.

— Он будет, — говорю я.

Я встаю. Поправляю пиджак.

— Вы серьёзно? — она смотрит на меня снизу вверх. В её глазах — надежда. И я боюсь, что разочарую её.

— Я серьёзно, — говорю я.

Я разворачиваюсь и иду обратно к зданию «Сияния».

Я слышу, как она говорит мне вслед: «Спасибо». Но я не оборачиваюсь.

Я иду в его кабинет.

Внутри — злость. На него. На эту систему. На себя за то, что я — часть этого мира.

Но я не останавлиюсь.

Я захожу в приёмную, и Максим поднимает голову от планшета. Он видит меня, и по его глазам я понимаю — он уже знает, что я вернулась.

— Полина Сергеевна, — говорит он, вставая. — Матвей Константинович занят.

— Он найдёт время, — отвечаю я.

Я прохожу мимо него, даже не взглянув на дверь. Я слышу его голос за спиной: «Полина Сергеевна, вам нужно подождать...», но я не останавливаюсь.

Я открываю дверь и захожу.

Матвей сидит за столом, смотрит в монитор. Он поднимает голову, когда я вхожу. Я вижу, как он хмурится. Он не ждал меня.

— Ты не постучалась, — говорит он.

— Я не собираюсь стучаться, когда мне есть что сказать.

Он откидывается на спинку кресла, складывает руки на груди. Он не выглядит удивлённым. Он выглядит уставшим. Или раздражённым. Я не знаю.

— Что случилось?

— Ты знаешь что, — я подхожу к его столу. — Та девушка. Лена. Ты уволил её.

- Я увольняю многих людей, — он пожимает плечами. — Она одна из них.
- Она сказала, что ошибка в документах была не её.
- Она так говорит.
- Она не врёт, — говорю я. — Ты видел её лицо? Ты слышал, что она сказала?
- Она нарушила порядок. Она кинула в меня помидорами. В тебя, кстати, тоже.
- Она не хотела попасть в меня, — я делаю шаг вперёд. — Она хотела быть услышанной.

И ты вышвырнул её, как мусор.

- Она была уволена по закону.

— Закону? — я чувствую, как внутри закипает злость. — Ты говоришь о законе, когда она не знает, как платить за лекарства своей матери? Когда у неё два маленьких брата, которые не понимают, почему сестра плачет по ночам?

Он смотрит на меня. Я вижу, как его челюсть напрягается. Но он молчит.

— Ты родился с золотой ложкой во рту, Матвей, — говорю я. — Ты никогда не стоял в очереди за едой. Ты никогда не боялся, что завтра нечем будет заплатить. Ты не знаешь, через что проходят люди, когда их выбрасывают на улицу.

- Ты думаешь, что знаешь меня? — его голос становится тише.

— Я знаю, что ты не знаешь их, — я смотрю ему в глаза. — Ты ставишь галочки в своих отчётах, не думая о том, что за ними стоят люди. Ты даже не дал ей шанса объясниться.

- Это не моя работа — давать шансы.

— А чья? — я почти кричу. — Ты думаешь, что ты просто машина для принятия решений? Ты думаешь, что ты выше всех?

Он встаёт. Медленно. Он смотрит на меня, и я вижу в его глазах усталость.

— Ты не знаешь, что я делаю каждый день, чтобы это здание не рухнуло, — говорит он тихо. — Ты не знаешь, сколько людей зависят от каждого моего решения.

— Я знаю только то, что я видела сегодня, — говорю я. — И я видела женщину, которая плакала на скамейке, потому что не знала, как жить дальше. А ты сидишь здесь, в своём кабинете, и не хочешь даже подумать о том, что, возможно, ошибся.

- Я не ошибся.

— Ты ошибаешься каждый раз, когда выбираешь цифры вместо людей, — я смотрю на него. — И если ты думаешь, что я стану частью этого мира, который перемалывает людей, ты ошибаешься.

Я смотрю на него, и он не отводит взгляда. Я вижу, как его пальцы сжимают спинку стула. Я вижу, что он не знает, что сказать.

Я разворачиваюсь и иду к двери.

- Полина, — говорит он за спиной. — Ты не знаешь всех деталей.

- Тогда расскажи мне, — я останавливаюсь, но не поворачиваюсь. — Объясни.

Тишина. Долгая.

- Я не могу, — говорит он.

Я открываю дверь и выхожу.

Я прохожу мимо Максима, который стоит у дверей, опустив глаза. Я прохожу мимо Алисы, которая появилась в коридоре. Она смотрит на меня с лёгкой усмешкой. Но я не смотрю на неё.

Я выхожу из здания.

Ветер бьёт в лицо. Холодный, влажный. Я глубоко дышу, пытаюсь унять дрожь в руках.

Я сажусь в машину и смотрю на свои руки.

Они не дрожат.

- Ты сделала это, — говорю я вслух. — Ты сказала ему всё. И ты не ошиблась.

Я завожу двигатель и уезжаю.

Стеклянная башня исчезает в зеркале заднего вида.

Я не знаю, что будет дальше. Но я чувствую, что выиграла этот раунд.

Потому что он не нашёл, что ответить.

Проходит несколько дней.

Я приезжаю в отель, сажусь за стол в кабинете отца, открываю ноутбук. Счета, отчёты, письма. Всё как обычно. Но внутри — тяжесть. Она не уходит, даже когда я пытаюсь забыть в работе.

Я перечитываю документы, проверяю брони, разговариваю с поставщиками. Голос звучит ровно, я улыбаюсь, когда нужно, но мысли — о нём. О его лице, когда я сказала ему всё. О том, как он смотрел на меня, когда я выходила из кабинета. Он хотел что-то сказать. Я чувствовала это. Но он промолчал.

Я закрываю ноутбук и смотрю в окно. Город за стеклом — как всегда: машины, люди, светофоры. Он не замечает, что у меня внутри. Никто не замечает.

Вечером я приезжаю домой, сажусь на кровать и смотрю в стену. Я не знаю, что мне делать. Я сказала ему всё, что думала. Я защитила ту девушку. Я не сдалась. Но внутри всё равно пусто. И я злюсь на себя за то, что снова думаю о нём.

— Ты не должна думать о нём, — говорю я в пустоту.

Но я думаю. Снова и снова.

Я приезжаю к особняку Горских к вечеру.

Солнце уже садится, и длинные тени ложатся на дорожки. Я паркуюсь у ворот, выхожу из машины. Мне нужно забрать свою машину, которую я оставила здесь ещё в прошлый раз. Я могла бы просто взять ключи и уехать. Но я чувствую, что должна войти. Хотя бы поздороваться.

Я захожу в дом.

В холле — тишина. Где-то в глубине гостиной слышны голоса. Я прохожу к дверям и заглядываю внутрь. Константин сидит в кресле, читает что-то в планшете. Рядом — Татьяна, она пьёт чай. Они поднимают головы, когда я вхожу.

— Полина! — Константин улыбается, откладывает планшет. — Какая приятная неожиданность. Проходи, садись.

Я делаю шаг вперёд.

— Я просто зашла за машиной, — говорю я. — Не хотела мешать.

— Ты никогда не мешаешь, — он машет рукой. — Татьяна, принеси ещё чай. Мы тут как раз обсуждали, что я скучаю по хорошей партии в шахматы.

— Ты играешь в шахматы? — я поднимаю бровь.

— Когда-то играл, — он улыбается. — Но сейчас никто не хочет играть со стариком. Матвей не любит, Татьяна говорит, что это скучно. А ты как? Не хочешь партию?

Я смотрю на него. Он смотрит на меня с лёгкой улыбкой, и я понимаю — он не просто предлагает игру. Он проверяет меня. Он хочет увидеть, что я за человек.

— Я не очень хорошо играю, — говорю я.

— Я тоже, — он усмехается. — Но это весело.

Татьяна ставит чашку на стол. Я вижу её взгляд. Она не ожидала, что я соглашусь. Она смотрит на меня с лёгким удивлением.

— Я сыграю, — говорю я.

Константин улыбается.

— Отлично, — он поднимается и выходит из гостиной.

Татьяна смотрит на меня.

— Ты уверена? — она спрашивает тихо.

— В чём?

— Он играет не для развлечения, — говорит она. — Он проверяет людей.

— Я знаю, — отвечаю я. — Я не боюсь проверок.

Я сажусь за шахматный столик. Константин возвращается с доской и фигурами. Он устанавливает их, пододвигает ко мне.

— Белые твои, — говорит он. — Начинай.

Я смотрю на фигуры. Я не играла много лет. Но я помню основы. И я вижу его глаза, которые смотрят на меня с интересом.

Я делаю первый ход.

Пешка на Е4.

Он улыбается и начинает свою партию.

Мы играем молча. Я чувствую его взгляд на себе. Он проверяет не мой уровень игры. Он проверяет, как я принимаю решения. Быстро или медленно. Спокойно или нервно.

Я не нервничаю.

Я просто играю.

Через десять минут я беру его ферзя. Он усмехается.

— Неплохо, — говорит он. — Ты не так проста, как кажешься.

— Я всегда так, — говорю я. — И не собираюсь меняться.

Он смотрит на меня с уважением.

Через полчаса партия заканчивается. Я выигрываю. Константин откидывается на спинку кресла, глядя на доску.

— Хорошая игра, — говорит он. — Ты — не просто красивое лицо. Я рад, что ты пришла.

— Я тоже рада, — говорю я.

Татьяна наблюдает за нами. В её глазах — смесь удивления и беспокойства. Она не ожидала, что я соглашусь. Не ожидала, что я выиграю. Она смотрит на меня так, будто я не та, кем казалась.

Я чувствую, что сегодня я сделала ещё один шаг в их мир.

И мне это нравится.

Константин уходит, оставляя меня наедине с шахматной доской. Я смотрю на фигуры, на свои пальцы, которые сжимают короля. Я выиграла. Но я чувствую, что это была не просто игра.

Я встаю и выхожу в холл. Татьяна уже ушла в свои комнаты. Я слышу, как где-то наверху хлопает дверь. Тишина. Только часы тикают в гостиной.

Я прохожу мимо лестницы и замечаю дверь, которая всегда была закрыта. Она приоткрыта. Я заглядываю — внутри комната, полная старых вещей. Шкафы, коробки, пыльные книги. Комната дедушки. Его кабинет, который никто не трогал.

Я закрываю дверь в кабинет дедушки и остаюсь одна в тишине. В комнате пахнет пылью и старыми вещами — запахом, который будто впитался в стены за десятилетия. Я подхожу к стопке коробок, стоящих у стены. Кто-то начал их разбирать, но бросил на полу.

Я сажусь на пол и открываю первую коробку. Старые письма, счета, какие-то документы. Я перебираю их, не зная, что ищу. Но руки тянутся к книгам, к потрёпанным блокнотам. И вдруг я нащупываю что-то твёрдое на дне — кожаная обложка. Старая, потёртая, с золотым тиснением, почти стёртым от времени.

Дневник.

Я открываю его. Почерк — старый, но аккуратный. Даты — почти сорок лет назад. Я листаю страницы, читаю обрывки. Записи о семье, о работе, о том, как он переживал за сыновей. Я почти закрываю дневник, но на одной из страниц замечаю фразу, от которой внутри всё холодеет.

«Я должен был защитить её. Я не знал, что так будет. Она была молода, и я любил её. Но она ушла. И я не могу простить себя, что не смог уберечь».

Я переворачиваю страницу. Дальше — обрывки. Он пишет о какой-то женщине, которую любил. Она умерла при странных обстоятельствах. Он не верит, что это был несчастный случай.

«Я знаю, кто это сделал. Но я не могу доказать».

Я застываю, сжимая дневник в руках. Пальцы дрожат. Я перечитываю ещё раз, и вдруг внутри разливается холод. Проклятие. Оно реально. И дедушка знал об этом.

Я слышу шаги в коридоре. Быстрые, тяжёлые. Я узнаю их. Его шаги.

Я быстро прячу дневник в сумку, застёгиваю молнию. Встаю, поправляю платье. Дверь открывается, и он входит.

Матвей останавливается на пороге. Он смотрит на меня. На мои руки, которые сжимают сумку. На лицо, которое я пытаюсь сделать спокойным.

— Что ты здесь делаешь? — голос ровный, холодный.

— Я зашла за машиной, — отвечаю я. — Константин предложил сыграть в шахматы.

— И ты согласилась.

— Да. Я выиграла.

— Я знаю, — он подходит ближе. — Но это не объясняет, почему ты здесь. В этой комнате. Одна.

— Я помогала разбирать вещи. Там были коробки. Я подумала, что нужно помочь.

— Мне не нужна твоя помощь.

— Я не для тебя помогала, — я смотрю на него. — Я просто хотела помочь.

— Тогда почему ты выглядишь так, будто тебя застали на месте преступления?

Я чувствую, как сердце начинает биться чаще. Мне кажется, что он видит дневник сквозь ткань сумки. Я сжимаю ручку крепче.

— Я не знаю, о чём ты говоришь, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Ты знаешь, — он делает ещё шаг вперёд. — Ты что-то взяла.

— Я ничего не брала.

— Я видел, как ты прятала что-то в сумку.

Я молчу. Воздух между нами становится плотным. Я чувствую, как внутри поднимается злость. На него. На эту ситуацию. На то, что я должна оправдываться.

— Это не твоё дело, — говорю я. — Я помогала разбирать вещи. Я не должна отчитываться перед тобой.

— Это мой дом, — он говорит тихо. — Я имею право знать, что ты выносишь отсюда.

— Ты не имеешь права допрашивать меня, — я делаю шаг к двери. — Я ухожу.

— Полина, — его голос звучит мягче. Но он всё ещё стоит у меня на пути.

Я останавливаюсь. Мы смотрим друг на друга. Между нами — тишина, и я чувствую, как она становится тяжёлой.

— Я просто хочу, чтобы ты перестала врать, — говорит он.

— Я не вру.

— Ты всегда врешь. Даже когда молчишь.

Я смотрю на него. Я чувствую, как внутри дрожит что-то, чему я не даю имени.

Я делаю шаг вперёд. Он не двигается. Я чувствую его дыхание на своём лице.

— Я ухожу, — говорю я.

— Да, — он отступает в сторону.

Я прохожу мимо него, чувствуя его взгляд на своей спине.

Я выхожу из дома, сажусь в машину и закрываю дверцу.

Я нажимаю на газ, и машина срывается с места.

Особняк Горских исчезает в зеркале заднего вида — сначала тёмный силуэт, потом пятно, потом ничего. Только дорога, фонари и ночь. Я выдыхаю, сжимая руль, чувствуя, как холодный пластик впивается в кожу.

— Ты справилась, — говорю я себе. — Ты просто уехала.

Я смотрю в зеркало заднего вида.

И вижу её.

Она стоит у окна на втором этаже. Того самого, из которого я смотрела перед тем, как уехать. Её лицо — бледное, почти прозрачное в лунном свете. Она не двигается. Она просто смотрит на меня.

Я замираю. Я не могу дышать. Я смотрю в зеркало, а она смотрит на меня. Через стекло. Через расстояние. Через время.

Внутри — холод. Он поднимается откуда-то из груди, разливается по телу, сковывает руки, ноги, горло. Я хочу нажать на газ, но не могу.

Она медленно поднимает руку. И указывает на меня.

Я давлю на газ.

Машина рвётся вперёд. Я не смотрю в зеркало. Я смотрю на дорогу, на фонари, которые проносятся мимо, на тени, которые пляшут в свете фар. Я чувствую, как сердце колотится в горле, как воздух не успевает заполнять лёгкие.

Я поворачиваю на главную дорогу. Я еду быстрее. Быстрее. Чтобы оставить это за спиной.

Я смотрю в зеркало.

Она всё ещё там.

Она стоит на обочине. Я вижу её в свете фар проезжающей мимо машины. Её платье развевается на ветру. Её лицо повернуто ко мне. Она не исчезает.

Я не понимаю, как это возможно. Я не понимаю, что происходит. Я не понимаю, кто она.

Но я знаю одно: она не отпустит меня. Она идёт за мной.

Я продолжаю ехать. Я не останавливаюсь. Я не смотрю в зеркало.

Но я чувствую её взгляд на своей спине.

И я знаю, что когда я приеду домой — я не открою дверь. Я не выйду из машины.

Потому что она будет ждать меня.

В темноте. В зеркале. В моей голове.

Я не знаю, что я видела.

Но я знаю, что это не был сон.

КОНЕЦ ГЛАВЫ 4.

ГЛАВА 5. «Экспозиция»

Я сижу на кровати, поджав ноги, и смотрю на дневник.

Он лежит передо мной, раскрытый на середине, кожаная обложка пахнет пылью и временем. На коленях — холод от бумаги, который просачивается сквозь пижамные штаны.

Я читаю одни и те же строки уже в четвёртый раз.

«Она была молода. Я любил её. Я должен был защитить её. Я не смог».

Никаких имён. Никаких дат. Только обрывки чувств. Он пишет о ней, как о потере, которую не может пережить, но он никогда не говорит, что случилось. Он не говорит, кто она. Он не говорит, как она умерла.

Я переворачиваю страницу. Дальше — пустота.

Я закрываю дневник и откидываюсь на спинку кровати. Я смотрю в потолок. Тишина. Только часы тикают на стене и ветер шуршит за окном.

— Кто ты? — шепчу я в пустоту.

Дневник не отвечает.

Я сажусь и достаю ноутбук. Открываю браузер. Пальцы дрожат, когда я печатаю: «проклятие семьи Горских».

Страница загружается.

Первая ссылка — старая статья из жёлтой газеты. Заголовок: «Семейная трагедия: невеста Горского найдена мёртвой».

Я открываю.

Текст короткий. Без подробностей. Просто факты: «Молодая женщина, личность не установлена, была найдена мёртвой в своём доме. Семья Горских отказалась от комментариев».

Я прокручиваю дальше.

Вторая статья — «Смерть невесты: несчастный случай или проклятие?» Там есть цитата какого-то историка: «В роду Горских ходят слухи о проклятии. Говорят, что каждая первая невеста старшего сына умирает при странных обстоятельствах. Однако документальных подтверждений нет».

Я чувствую, как внутри разливается холод.

Я открываю третью статью. Четвёртую. Пятую.

Все они говорят об одном и том же. Смерть. Странные обстоятельства. Молчание семьи.

Я смотрю на дневник. Потом на ноутбук.

Это не просто слухи. Это правда. И дедушка Матвея знал о ней. Он пытался защитить ту женщину. И он не смог.

Я закрываю ноутбук и смотрю на дневник.

— Что же ты скрываешь? — спрашиваю я шёпотом.

Дневник молчит.

Ночь смотрит на меня из окна.

Я чувствую, что я — часть этой истории. И она не закончена.

Я захожу в гостиную с дневником в руках. Распечатанные статьи зажаты под мышкой. Бумага нагрелась от моих пальцев, или это просто нервы — я уже не различаю.

Мать сидит за столом, пьёт кофе. На ней халат, волосы ещё влажные после душа. Она листает новости в телефоне, даже не поднимает головы, когда я вхожу. Я смотрю на неё и чувствую, как внутри поднимается волна — злости, страха, отчаяния. Она не знает. Она не хочет знать.

— Ты рано, — говорит она, отпивая из чашки. — Кофе горячий. Я только что заварила.

— Мама, — говорю я. — Мне нужно тебе кое-что показать.

Она поднимает голову. Её взгляд падает на дневник в моих руках. Старый. Потёртый. С тёмной кожаной обложкой, на которой почти не осталось золотого тиснения. Он выглядит как призрак. Как напоминание о чём-то, что должно было остаться в прошлом.

— Что это? — она ставит чашку на стол.

— Дневник дедушки Матвея.

— Откуда он у тебя?

— Я нашла его в особняке Горских, — я кладу дневник на стол перед ней. — Открой.

Она смотрит на меня. Я вижу, как её пальцы сжимаются в кулак, потом разжимаются. Она берёт дневник. Открывает. Читает.

Я смотрю на её лицо. Она держит себя в руках, но я вижу напряжение — скулы заострились, губы сжались. Она перелистывает страницу. Вторую. Третью. Потом закрывает дневник и отодвигает его от себя, как будто он может укусить.

— Это просто старые записи, — её голос ровный, но в нём дрожит тонкая нить. — Старые мысли старого человека.

— А это? — я кладу перед ней распечатанные статьи.

Они ложатся веером на стол. Заголовки кричат с пожелтевших листов: «Семейная трагедия», «Смерть невесты», «Проклятие семьи Горских». Она смотрит на них так, будто видит впервые. Но я знаю, что она видела их раньше. Она просто не хотела смотреть.

— Откуда они у тебя?

— Я искала в интернете, — говорю я. — Это не просто слухи. Это правда. Первые невесты в этой семье умирают.

Я смотрю ей в глаза. Она смотрит на меня. Тишина в комнате становится плотной, липкой. Я слышу, как тикают часы на стене. Медленно. Назойливо.

— Это старые сплетни, Полина, — говорит она, и я чувствую, как её голос становится жёстче. — Никто не знает, что там было на самом деле.

— А если это правда? — я делаю шаг ближе. — Если я тоже могу умереть? Ты хоть на секунду задумалась об этом?

Она молчит. Я вижу, как по её лицу пробегает тень. Она отворачивается к окну.

— Ты не знаешь обстоятельств, — говорит она тихо.

— Я знаю только одно, — я касаюсь дневника. — Этот человек пытался защитить ту женщину. Он любил её. Он хотел сбежать с ней. Он не смог. Я должна выйти замуж за его внука, и я понятия не имею, что меня ждёт.

Она медленно поворачивается ко мне. В её глазах — то же самое, что я видела утром в зеркале. Страх. Он прячется за холодным спокойствием, которым она прикрывается уже много лет. Я никогда не видела её такой. Испуганной. Уязвимой.

Она открывает рот, чтобы что-то сказать, но я опережаю её.

— Я не прошу тебя отменять свадьбу, — говорю я. — Я прошу тебя знать правду.

Она смотрит на меня. Долго. Слишком долго. Я чувствую, как между нами повисает что-то новое. Она молчит, потом медленно кивает.

Дверь в гостиную открывается, и я слышу голос Егора с порога:

— Вы чего такие? В доме тишина, как перед бурей.

Он входит. На нём рабочая куртка, на лице — усталость и лёгкая улыбка, которая тут же гаснет, когда он видит наши лица. Мать сидит, сжавшись, с мокрыми глазами. Я стою с дневником в руках и смотрю на него.

— Что случилось? — он подходит ближе, переводит взгляд с неё на меня. — Полин, что ты держишь?

Я протягиваю ему дневник.

— Прочитай.

Он берёт, открывает на заложенной странице. Читает. Я вижу, как его лицо меняется — сначала непонимание, потом сосредоточенность, потом тревога. Он закрывает дневник и поднимает на меня глаза.

— Откуда это у тебя?

— Я нашла его в особняке Горских. Но это не всё.

Я поддвигаю к нему распечатанные статьи. Он смотрит на заголовки. Молчит. Потом медленно переводит взгляд на меня.

— Если это правда... — он не заканчивает фразу. Играет желвак на скуле. Он не знает, что сказать. Но я вижу — он тоже испуган.

Я смотрю на мать. Она сидит, опустив плечи, вцепившись в край стола. Потом поднимает голову и смотрит на нас. В её глазах — сталь.

— Я всё выясню, — говорит она. — Я найду того, кто сможет проверить это. Я не позволю, чтобы моя дочь шла в неизвестность.

Она говорит это уверенно. Я вижу, что она испугана. Но она не отступает.

Наталья приехала к особняку Горских через два дня.

Она не хотела ехать. Она хотела остаться дома, сидеть на кухне, смотреть на дневник и думать. Но она знала, что должна. Что если она не поедет — это будет подозрительно. Что Татьяна ждёт её.

Она подъехала к воротам, и охранник пропустил её без вопросов. Она припарковалась у главного входа и вышла из машины. Ветер был холодным, но она не чувствовала его. Она чувствовала только тяжесть внутри.

В холле её встретила горничная и проводила в малую гостиную. Татьяна уже была там. Она сидела на диване с чашкой чая в руках и улыбалась.

— Наталья! — она встала и подошла к ней. — Как хорошо, что вы приехали. Проходите, садитесь.

Наталья села. Она держала себя в руках. Она улыбалась, когда нужно было улыбаться. Она кивала, когда нужно было кивать. Она не показывала того, что было у неё внутри.

Татьяна говорила о цветах, о меню, о рассадке гостей. Она показывала фотографии, перечисляла варианты. Наталья слушала, иногда задавала вопросы, но она не слышала ответов. Она слышала только, как бьётся её сердце.

— Полина сказала, что у неё всё хорошо, — сказала Татьяна, ставя чашку на стол. — Она не выглядит взволнованной?

— Она просто немного устала, — ответила Наталья. — Свадебные хлопоты. Работа в отеле.

— Это нормально, — улыбнулась Татьяна. — У всех бывает. Я тоже была такой перед свадьбой. Но потом всё прошло.

Наталья смотрела на неё и думала о том, что знает. О дневнике. О смертях. О проклятии. Она хотела спросить. Хотела сказать: «Я знаю, что вы скрываете». Но она не сказала.

— Мы хотим, чтобы всё прошло идеально, — сказала она вместо этого. — Для Полины.

— Для Полины, — повторила Татьяна. — И для Матвея.

Наталья почувствовала, как холод пробежал по спине.

«Для Матвея», — подумала она. — «Да. Для Матвея. Потому что вы готовы пожертвовать моей дочерью, чтобы спасти его».

Она встала.

— Спасибо за чай, Татьяна Сергеевна. Мне пора.

— Уже? — Татьяна тоже встала. — Мы ещё не обсудили музыку.

— В другой раз, — Наталья улыбнулась. — Я позвоню вам.

Она вышла из гостиной. Прошла через холл. Вышла на улицу.

Она села в машину и сжала руль. Она дышала глубоко, чтобы не закричать.

«Я узнаю правду», — сказала она себе. — «Я узнаю её. И ты заплатишь за всё».

Она завела двигатель и уехала.

Я подхожу к двери старого дома на тихой улочке. Здесь не бывает машин. Только ветер шуршит сухими листьями. Дверь облупившаяся, синяя краска слезла местами, ручка шатается. Я люблю это место. Здесь пахнет свободой.

Я толкаю дверь, и она открывается с привычным скрипом. В нос ударяет тёплый, густой запах масляных красок, льняного масла и старого дерева. Половицы поскрипывают под ногами, когда я прохожу по узкому коридору. Где-то в глубине дома слышны голоса — художники уже собрались.

Я захожу в мастерскую. Это большая светлая комната с высокими окнами, выходящими на север. Свет здесь особенный — мягкий, рассеянный, он не режет глаза, а обволакивает пространство золотистой дымкой. Пахнет скипидаром и бумагой. На стенах — этюды, наброски, портреты. Я знаю каждое лицо на этих рисунках. Я видела, как они рождались.

Художница Вера, женщина с короткими седыми волосами и очками на цепочке, поднимает голову от мольберта и улыбается мне:

— Полина, ты вовремя. Проходи, раздевайся.

Она говорит это спокойно, как о чём-то обычном. Здесь это нормально. Здесь я — не женщина, не невеста, не жертва. Здесь я — просто линии и тени.

Я киваю, снимаю пальто, вешаю на крючок. Потом — свитер. Брюки. Задерживаюсь на мгновение, потом снимаю бельё и остаюсь голой. Воздух прохладный, он касается кожи, и по телу пробегает лёгкая дрожь. Но я не чувствую неловкости. Я знаю, что на меня смотрят, но эти взгляды — не те, что жгут. Они изучают, ищут светотени, линии.

Я подхожу к табурету в центре комнаты. На мне — только лёгкий кусок ткани, который я держу в руках, почти не прикрывая тело. Художники садятся на свои места. Четверо. Мужчины и женщины. Они молчат. Они ждут.

— Садись, — говорит Вера. — Руку согни в локте. Голову поверни влево. Да, так. Не двигайся.

Я сажусь. Я замираю. Я смотрю в стену и позволяю мыслям уплыть.

Тишина. Я слышу, как карандаш скребёт по бумаге. Как кто-то дышит. Как где-то за окном проезжает машина. Я чувствую свет на своей коже — он тёплый, почти живой. Он ложится на плечо, на ключицу, на бедро. Я чувствую себя частью этого пространства. Частью искусства.

Я не знаю, сколько проходит времени. Может быть, час. Может быть, два. Моя рука затекает, но я не двигаюсь. Я знаю, что нужно терпеть. Это часть работы.

В дверном проёме за моей спиной висит тень. Тонкая фигура в тёмном пальто. Она не входит, не нарушает тишину. Она просто стоит и смотрит, прислонившись плечом к косяку.

Алиса.

Её глаза — холодные, цепкие — скользят по моей спине, по изгибу позвоночника, по тому, как лежит ткань на моих бёдрах. Она не удивлена. Она развлечена. Она смотрит так, будто нашла то, что искала.

Она медленно достаёт телефон, наводит камеру. Почти беззвучно. Делает снимок. Ещё один. Третий. Она убирает телефон в карман и смотрит на меня ещё несколько секунд, пока я не двигаюсь, не оглядываюсь, не знаю о её присутствии.

Она ухмыляется и бесшумно отступает в темноту коридора.

Я сижу на табурете. Я смотрю в стену. Я ничего не знаю.

Вера говорит:

— Хорошо. Отдыхай.

Я опускаю плечи, глубоко выдыхаю. Моя рука ноет, но я не обращаю на это внимания. Я встаю, накидываю халат, иду к столу, где стоит кувшин с водой. Наливаю себе стакан, пью.

Я смотрю в окно.

За стеклом — осень. Голые деревья, серое небо. Где-то там — его мир. Его стеклянная башня. Его корпорация. Его проклятие.

Но здесь, в этой комнате, я просто живу.

Я улыбаюсь и иду к вешалке, чтобы одеться.

Я не знаю, что сегодняшний вечер перевернёт всё.

Я просыпаюсь от того, что в дверь моей комнаты кто-то ломится.

Без стука. Без предупреждения. Просто — резкий, грубый стук, который не даёт мне времени даже открыть глаза. Дверь распаивается, и мать влетает в комнату с телефоном в руках. Она не одета — на ней только халат, волосы растрёпаны, лицо красное. Я никогда не видела её такой.

— Вставай! — кричит она.

Я сажусь на кровати. Я ещё не проснулась, и её голос бьёт по ушам, как молот. Я пытаюсь сфокусироваться на её лице.

— Ты видела это? — она протягивает мне телефон. — Ты видела, что творится?

Я беру телефон. На экране — фото. Моё фото. Я сижу на табурете, абсолютно обнажённая, голова повернута влево, свет падает на мою спину. Я узнаю это фото. Я узнаю этот свет, этот ракурс. Это студия Веры.

Я смотрю на заголовок. «Будущая невеста Горского позирует обнажённой». Подпись: «Эксклюзив, тайная жизнь невесты миллиардера».

Я чувствую, как внутри всё сжимается. Я перевожу взгляд на мать.

— Откуда это?

— Откуда? — она почти смеётся, но в её смехе — истерика. — В интернете! Везде! Эти фото разошлись по всем новостям! Ты понимаешь, что ты натворила?

— Это моя работа, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Я позирую художникам. Это законно.

— Законно?! — она почти кричит. — Ты выходишь замуж за Матвея Горского! Ты не можешь позволить себе такое! Ты опозорила нас! Опозорила его! Опозорила всю семью!

Я сжимаю телефон в руке. Я смотрю на своё фото. Я не стыжусь его. Но я чувствую, как внутри поднимается волна. Злость. Не на мать. На того, кто это сделал.

— Кто-то специально слил это, — говорю я. — Кто-то хотел навредить мне.

— Кто? — мать садится на край кровати, закрывает лицо руками. — Какая разница? Теперь это не важно. Важно, что теперь нам делать.

Я смотрю на неё. Она выглядит сломленной. Я встаю с кровати, подхожу к окну. За стеклом — серое утро. Город просыпается. И он уже знает, кто я.

— Я позвоню ему, — говорю я.

— Кому? — мать поднимает голову.

— Матвею.

— Нет! — она вскакивает. — Ты не будешь ему звонить. Я позвоню его матери. Я всё объясню.

— Что ты объяснишь? — я поворачиваюсь к ней. — Скажешь, что я безответственная? Что это ошибка? Это не ошибка. Это моя жизнь, мама. И я не собираюсь отказываться от неё только потому, что кому-то вздумалось меня опозорить.

Она смотрит на меня. В её глазах — смесь злости и отчаяния.

— Ты не понимаешь, — говорит она.

— Я понимаю, — говорю я. — Ты боишься, что они отменят свадьбу. Что мы потеряем всё.

Она молчит.

— Я тоже боюсь, — говорю я. — Но я не буду прятаться.

Звонок.

Мы обе смотрим на телефон. На экране — имя Татьяны.

Мать бледнеет.

— Сейчас начнётся, — говорит она. — Что ей сказать?

— Скажи правду, — я пожимаю плечами. — Или то, что сочтёшь нужным.

Мать сидит на краю моей кровати и смотрит на телефон так, будто он может взорваться. Её пальцы сжимают корпус, костяшки побелели. Она не отвечает на звонок, который только что стих. Она дышит тяжело, будто только что бежала марафон. Мы молчим. Я смотрю на её лицо — бледное, осунувшееся, с мокрыми от пота висками. Она боится. Она боится их, а не меня.

Я хочу сказать ей что-то успокаивающее, но не успеваю.

Телефон снова вибрирует. Она смотрит на экран. Татьяна. Она знает, что не может игнорировать звонок второй раз. Она берёт трубку, проводит пальцем по экрану и подносит к уху. Я вижу, как она сглатывает.

— Татьяна Сергеевна... — голос у неё дрожит, но она старается говорить ровно.

Я слышу голос Татьяны из трубки. Он звучит ровно, без эмоций. Спокойно, но с холодными нотками, как если бы она разговаривала с подчинённым.

— Наталья, я уже видела новости. Мы должны обсудить это. Я не могу позволить, чтобы скандал отразился на репутации семьи Горских. Вы понимаете?

Мать сжимает трубку, её пальцы дрожат. Она смотрит на меня, и в её глазах — отчаяние. Я качаю головой, будто говорю: «Скажи правду».

— Да... я понимаю, — говорит мать. — Это всё недоразумение. Полина не хотела...

Татьяна перебивает её:

— Наталья, мне не нужны объяснения. Мне нужны действия. Мы должны встретиться сегодня. Обсудить, как замять скандал. Вы приедете ко мне в особняк в три часа.

Мать сглатывает. Я вижу, как она сжимается.

— Хорошо, — говорит она. — Я приеду.

Татьяна кладёт трубку. Мать смотрит на телефон, потом на меня. Она выглядит так, будто ей дали пощёчину. Её дыхание сбилось, она медленно опускает руку, кладёт телефон на кровать.

— Она хочет встретиться сегодня, — говорит мать тихо. — В три часа. В особняке.

Я подхожу к ней. Она не смотрит на меня. Она смотрит в стену, будто пытается найти там ответы.

— Я поеду с тобой, — говорю я.

Она резко поднимает голову.

— Нет. Ты не поедешь. Это моя проблема. Я сама решу.

— Это моя проблема, — говорю я. — Это я позировала. Это мои фото. Я хочу быть там.

Она смотрит на меня. В её глазах — страх и злость одновременно.

— Ты не понимаешь, — говорит она. — Татьяна не хочет тебя видеть. Она хочет видеть меня. Она будет говорить со мной, не с тобой.

— Это неважно, — я смотрю ей в глаза. — Я буду там. В машине. Если понадобится — войду.

Она молчит. В комнате тихо. Только тикают часы на стене. Она медленно кивает.

— Хорошо, — говорит она. — Ты будешь в машине.

Я чувствую, как внутри разливается холод.

Я знаю, что Татьяна не просто так звонит. Она хочет что-то проверить. Она хочет понять, насколько мы боимся.

Я подхожу к окну. Смотрю на серое небо.

— Мы справимся, — говорю я, не оборачиваясь.

Она не отвечает.

Я слышу, как она встаёт и выходит из комнаты.

Я остаюсь одна.

Матвей сидит в своём кабинете на тридцать втором этаже, откинувшись на спинку кресла, и смотрит в окно. За стеклом — серое небо, облака, которые ползут над городом, и стеклянные башни, уходящие вверх. Он не видит их. Он видит только её.

Планшет лежит на столе перед ним. На экране — фото. Её фото. Она сидит на табурете, абсолютно обнажённая, смотрит в сторону. Свет падает на её плечи, на позвоночник, на изгиб бёдер. Она спокойна. Она не стыдится. Она смотрит в стену, и на её лице — выражение, которое он никогда не видел у неё. Свобода.

Он смотрит на это фото уже несколько минут. Он не отводит взгляда. Он должен был выключить планшет, как только увидел. Он должен был вызвать службу безопасности. Он должен был приказать удалить всё. Но он не делает этого. Он просто смотрит.

Его пальцы сжимают край стола. Где-то внутри него — раздражение. Она не сказала ему об этом. Она не предупредила. Она просто сделала это, не думая о последствиях.

Но в то же время — другое чувство. Он видит её такой, какой она не была рядом с ним. Свободной. Настоящей. Без масок.

— Нда, — говорит он тихо, почти шёпотом, — моя будущая жена — натурщица. Какие ещё сюрпризы ты носишь в себе, Полина?

Он смотрит на фото ещё несколько секунд. Её кожа в свете. Её глаза. Её спокойствие. Оно притягивает его так же сильно, как раздражает.

Он закрывает планшет и нажимает кнопку на столе.

— Максим, зайди.

Через несколько секунд дверь открывается, его помощник появляется на пороге.

— Вызывали, Матвей Константинович?

Матвей смотрит на него. Его голос — холодный, ровный.

— Фото Полины в интернете. Узнай, кто их слил.

— Есть, — Максим кивает. — Я уже начал проверку.

— Хорошо. Доложи, как только найдёшь.

Максим выходит.

Матвей снова смотрит на закрытый планшет. Он хочет открыть его и снова увидеть её лицо. Он не делает этого.

Через несколько минут его телефон вибрирует. Даниил.

Он берёт трубку.

— Ты видел? — голос Даниила с лёгкой усмешкой. — Фото твоей невесты. Классная фигура, я тебе скажу.

— Ты звонишь мне ради этого? — Матвей сжимает трубку.

— Нет, — Даниил смеётся. — Напоминаю про концерт. Сегодня. В восемь. Может, хоть в этот раз ты придёшь?

Матвей молчит.

— Я слышал, твоя невеста обещала прийти, — добавляет Даниил. — Так что можешь не волноваться, мы её не съедим. Приходи, если хочешь её увидеть. Она будет там.

Матвей не отвечает. Он кладёт трубку.

Он смотрит на закрытый планшет.

Сегодня вечером она будет на концерте Даниила.

И он тоже будет там.

Я стою перед открытым шкафом и смотрю на вешалки.

Обычные вещи, которые я носила ещё месяц назад, когда мир был другим. Тогда я не знала о проклятии. Не знала о дневнике. Не знала, что за мной следят и фотографируют голой.

Я провожу пальцами по тканям. Шёлк. Хлопок. Шерсть. Они чувствуются под пальцами как воспоминания о другой жизни. О той, где я была просто Полиной, а не «невестой Горского», не «девушкой со скандальных фото», не «той, кого хотят убить».

Я достаю чёрный топ с открытыми плечами и короткую кожаную юбку. Просто. Дерзко. Я не хочу выглядеть невинной. Я хочу выглядеть так, будто мне всё равно. Надеваю. Смотрю на себя в зеркало. Топ подчёркивает ключицы, юбка открывает ноги. Высокие ботинки на шнуровке довершают образ.

Я смотрю на своё отражение. Твёрдый взгляд. Никакой неуверенности.

— Сегодня я иду не для того, чтобы нравиться, — говорю я своему отражению. — Я иду, чтобы показать, что меня не сломать.

Звонит телефон. Я смотрю на экран. Денис. Я не беру трубку. Я не хочу говорить. Я хочу просто быть. Быть сегодня, в этом образе, в этой комнате.

Я беру сумку, ключи и выхожу из дома.

На улице — вечер. Фонари зажигаются один за другим, разгоняя сумерки. Где-то вдалеке слышен шум города. Ночной воздух касается открытых плеч, и я чувствую себя живой. Я сажусь в машину и еду в клуб, где сегодня играет Даниил.

Я не знаю, зачем я еду. Может быть, чтобы доказать себе, что я не боюсь. Может быть, чтобы увидеть его. Я не знаю.

Я паркуюсь у входа. Смотрю на здание. Небольшой клуб, светящаяся вывеска, люди у входа. Я выхожу из машины.

Сегодня я покажу им всем, что меня не сломать.

Я захожу в клуб, и музыка ударяет по ушам.

Громко. Басы вибрируют в груди, стены дрожат в такт ритму. Вокруг — люди. Они танцуют, смеются, держат в руках стаканы. Я иду сквозь толпу, чувствуя, как взгляды скользят по мне. По короткой юбке, по открытым плечам, по уверенной походке. Они не знают, кто я. Они видят просто девушку.

Я прохожу в зал. На сцене — Даниил и его группа. Он играет на клавишах, его пальцы скользят по клавишам легко и уверенно. Он улыбается, когда видит меня. Я машу ему.

Внутри — легкость. Я здесь, и я свободна. Я забываю о фото, о скандале, о матери, которая сейчас, наверное, где-то сидит и боится. Я просто есть.

Я отхожу в сторону, ближе к стене, чтобы прислониться и просто слушать.

Я не замечаю, как он подходит.

— Ты пришла.

Голос низкий, с хрипотцой. Я узнаю его до того, как поворачиваюсь. Матвей.

Он стоит в двух шагах, прислонившись плечом к колонне. Тёмные брюки, чёрная рубашка, рукава закатаны. Он смотрит на меня. В его глазах — смесь холода и любопытства. Он выглядит иначе, чем в офисе. Здесь, в полумраке, он кажется человечнее.

— Пришла, — говорю я. — Ты удивлён?

— Удивлён, — он усмехается. — Я думал, после сегодняшнего скандала ты будешь сидеть дома.

— Я не прячусь.

— Я заметил, — он смотрит на меня. Долше, чем нужно. — Фото уже удалили.

— Я знаю, — я пожимаю плечами. — Мне нечего стыдиться. Это моя работа.

— Ты могла бы предупредить меня.

— Зачем? Чтобы ты запретил?

Он смотрит на меня, и я вижу, как его взгляд становится острее. Он делает шаг вперёд. Я не отступаю. Я чувствую запах его одеколона — древесный, терпкий, смешанный с запахом его кожи. Тёплый. Живой.

— Ты всегда делаешь, что хочешь, да?

— А ты всегда хочешь контролировать всё, да?

Мы смотрим друг на друга. Между нами — тишина, которую разрывает только музыка из зала. Она пульсирует сквозь стены, но здесь, в этом коридоре, она звучит приглушённо, будто мы в другом мире.

— Стыдиться тебе действительно нечего, — говорит он тихо.

Его голос становится ниже. Он поднимает руку и касается моего плеча. Его пальцы — тёплые, чуть шершавые — скользят по открытой коже. Медленно. Слишком медленно. Я чувствую, как мурашки бегут по телу. Он задерживается на ключице, потом проводит по шее, останавливается у основания, там, где бьётся пульс.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

— Пытаюсь понять, кто ты на самом деле.

— Я та, кого ты видишь.

— Нет, — он наклоняется ближе. Его дыхание касается моих губ. Тёплое. Сбивчивое. Я чувствую его на своей коже, и внутри всё замирает. — Ты та, кого ты не показываешь.

Он почти касается моих губ.

Я задерживаю дыхание. Я чувствую его вкус — горьковатый, терпкий, чужой и одновременно манящий. Я чувствую, как его пальцы слегка сжимаются на моей шее. Я хочу оттолкнуть его. Я должна оттолкнуть его.

Я замираю на мгновение.

Потом я отталкиваю его.

— Не здесь, — говорю я. Голос дрожит. Я ненавижу себя за это.

Он отстраняется. В его глазах — тень улыбки. Он знает. Он знает, что я хотела.

— Идём, — говорю я. — Твой брат играет.

Я направляюсь в зал. Я чувствую его взгляд на своей спине. Он идёт за мной.

Мы выходим из коридора в зал, и музыка накрывает нас с головой.

Громко. Живо. Басы бьют в грудь, свет стробоскопов режет глаза, но я чувствую себя живой. Я чувствую его за спиной. Он идёт за мной, и я знаю это без слов. Я чувствую его взгляд на своей спине, на открытых плечах, на том месте, где он касался меня минуту назад.

Даниил на сцене. Он видит нас и улыбается. Его пальцы летают по клавишам, он кивает мне, потом переводит взгляд на брата. В его глазах — лёгкая усмешка. Он знает. Он всё видит.

Песня заканчивается. Зал взрывается аплодисментами. Кто-то свистит. Даниил поднимает руку, призывая тишину.

— Спасибо, — говорит он в микрофон. — Вы сегодня просто огонь!

Толпа смеётся. Кто-то кричит из зала: «Даниил, ты лучший!»

— Я знаю, — он усмехается. — Но сегодня у нас особенные гости.

Я чувствую, как внутри всё сжимается. Я знаю, что сейчас будет. Даниил смотрит прямо на нас.

— Мой брат, Матвей, — он кивает в нашу сторону. — И его прекрасная невеста, Полина. Они пришли поддержать меня.

Толпа оборачивается. Я чувствую десятки взглядов на себе. На моей короткой юбке, на моих открытых плечах. Кто-то узнаёт меня. Я слышу шёпот: «Это та самая... с фото...». Я не отвожу взгляда. Я смотрю на сцену. Я улыбаюсь. Я не боюсь.

— Спасибо, что вы здесь, — говорит Даниил. — Для меня это много значит.

Из зала раздаётся голос:

— Поцелуй! Поцелуй их!

Я чувствую, как напрягается Матвей рядом. Я смотрю на него. Он смотрит на меня. В его глазах — вызов. Он не знает, что я сделаю. Он ждёт.

Толпа подхватывает:

— Поцелуй! Поцелуй! Поцелуй!

Даниил ухмыляется в микрофон:

— Ну, вы слышали. Не разочаровывайте публику.

Матвей медленно поворачивается ко мне. Его рука находит мою талию, пальцы сжимаются на ткани топа, притягивая меня ближе. Я чувствую его дыхание на своих губах — тёплое, сбивчивое, с лёгким привкусом виски. Его глаза смотрят на меня, и в них — не холод, не приказ, а что-то другое, тёмное, глубокое, от чего внутри всё переворачивается.

— Не бойся, — шепчет он. — Это просто игра.

— Я никогда не боюсь, — отвечаю я.

Он наклоняется, и я чувствую, как его пальцы скользят по моей спине, прижимая меня к нему. Я чувствую жар его тела сквозь ткань рубашки. Я чувствую биение его сердца — быстрое, неровное.

Его губы касаются моих. Медленно. Почти невесомо. Я чувствую его вкус — горьковатый, с ноткой виски и чего-то тёплого, что я не могу назвать. Его пальцы вжимаются в мою спину, и поцелуй становится глубже, жарче. Он не целует меня как актёра для толпы. Он целует меня так, будто я — единственное, что существует в этом мире.

Я чувствую, как его язык касается моих губ. Я слышу, как толпа взрывается свистом и аплодисментами, но звук доходит до меня сквозь вату. Я чувствую только его. Его руку на своей талии. Его дыхание. Его губы, которые не отпускают меня.

Я забываю, где я. Забываю, зачем я здесь. Я чувствую только огонь, который разливается где-то глубоко внутри.

Он медленно отстраняется. Наши губы почти касаются, и я чувствую его дыхание на своей коже. Его глаза смотрят на меня — тёмные, влажные, горячие. В них — то же самое, что я чувствую внутри.

Толпа беснуется. Свет стробоскопов мигает. Даниил что-то кричит в микрофон, но я не слышу его.

Матвей не отпускает меня. Он смотрит на меня, и я вижу, как его пальцы всё ещё сжимают ткань топа. Я вижу, как он слатывает. Я вижу, как он пытается взять себя в руки.

— Что это было? — спрашиваю я шёпотом. Голос дрожит.

— Я не знаю, — отвечает он. Его голос — низкий, хриплый, без защиты. — Но я хочу, чтобы это повторилось.

Мы смотрим друг на друга. Между нами — свет, музыка, шум толпы. Но они не существуют. Есть только он и я.

Я не отвожу взгляда.

Он не отпускает меня.

Мы стоим так, пока музыканты не начинают играть следующую песню.

КОНЕЦ ГЛАВЫ 5.

ГЛАВА 6. «Тени и отражения»

Солнце бьёт в глаза. Я не закрывала шторы. Не помню, когда заснула. Помню только его губы — сухие, горячие, настойчивые. Как он прижимал меня к себе, пальцы впивались в спину, дыхание на коже. И голос: «Я хочу, чтобы это повторилось».

Повторилось.

Повторилось.

Повторилось.

Словно пластинка, которую заело, и игла проигрывает один и тот же отрывок снова и снова, пока я не готова сойти с ума.

Лежу на спине, смотрю в потолок. Серый, в трещинах, с жёлтым разводом от протечки. Кажется, он пульсирует в такт моему сердцу. Или это у меня внутри пульсирует что-то, чему я не даю имени. Тёплое, липкое, чужеродное. Я ненавижу это чувство. Ненавижу, что оно появляется. Ненавижу, что я не могу его контролировать.

— Ты не должна думать о нём. — голос хриплый, срывается.

Молчание. Только где-то за окном сигналиит машина, и ветер гоняет по стеклу сухой лист. Как будто город смеётся надо мной.

Сажусь. Спускаю ноги. Пол ледяной, паркетный, каждая дощечка — как приговор. Шаг, второй, третий. Холод поднимается по ногам, добирается до груди. Иду в ванную. Вода ледяная, я подношу ладони, умываюсь, плескаю в лицо, пока кожа не начинает гореть. Смотрю на себя в зеркало — мокрое отражение, бледное, волосы слиплись у висков, глаза живые. Слишком живые. Бесятся, сверкают, выдают меня с головой.

— Ты не влюбишься. — шепчу я в зеркало. — Ты не можешь.

Зеркало молчит. Но я знаю, что оно врёт. Как и я.

Из ванной в комнату — шаги босых ног по пыльному паркету. Джинсы, свитер, куртка — всё накидываю за секунды. Волосы в хвост. Не хочу быть красивой. Хочу исчезнуть. Стать тенью. Чтобы он не увидел меня, не почувствовал, не вспомнил. Чтобы я сама перестала вспоминать его руки.

На кухне — банка с кофе, чайник уже остыл, но я не грею. Заливаю кипятком из термоса. Черный, горький, обжигающий нёбо и горло. Пью стоя, прислонившись к подоконнику, глядя на улицу. Дворник методично гоняет метлой листья, в соседнем окне женщина выбивает ковёр, облака ползут над крышами — серые, тяжёлые, как у меня внутри.

Кофе допит. Кружка звякает о металл раковины. Я слышу её звук, и он становится точкой невозврата. Я беру ключи, хватаю сумку, вылетаю из дома.

Дверь за спиной — глухой хлопок.

Воздух на улице — резкий, холодный, с запахом мокрого асфальта. Я вдыхаю полной грудью, но он не вымывает его. Его запах. Я помню его — дым, виски, кожу и что-то ещё, чему нет названия.

Сажусь в машину. Руль под пальцами ледяной, сжимаю до побелевших костяшек. Смотрю вперёд, на дорогу, которая ведёт в отель. Всё как всегда. Долги, бумаги, запах старого дерева, тишина.

Я завожу двигатель и выезжаю со двора.

— Ты справишься. — говорю я.

Но я не верю себе. И в зеркале заднего вида на мгновение мне кажется, что я вижу её — ту женщину, которая улыбается мне из прошлого.

Кабинет отца встречает меня тишиной. Пахнет старым деревом и бумагой, осевшей пылью на папках — тех, что я завалила всем, что должна перебрать, но руки не доходят. Стопки документов на столе — счета, квитанции, контракты. Я сажусь в его кресло, чувствуя, как зна-

комое тепло разливается под коленями. Отец всегда говорил, что в этом кресле нужно сидеть с прямой спиной, иначе потеряешь контроль. Я сижу прямо. Контроль — единственное, что у меня осталось.

Открываю ноутбук. На экране — цифры. Расходы, доходы, долги. Всё как обычно. Плюс — приятная строка финансирования от «Сияния». Поступление идёт, как по расписанию. Это облегчает дыхание, но не сердце. Оно бьётся в ритме другого города.

Я пытаюсь вчитаться в текст договора, но слова расплываются. Вижу его лицо. Его губы. Как он наклоняется ко мне в том коридоре, когда музыка стучала по стенам. Как его пальцы касались моей шеи. Как он целовал меня — и я позволила ему.

Закрываю ноутбук.

Смотрю в окно. Утро разливается по городу мутным светом, как неразбавленный чай. Люди идут по своим делам, не зная, что я сейчас сижу здесь и пережёвываю вчерашний вечер. Смотрю на телефон. Экран чёрный — ни одного уведомления. Он не написал. Не позвонил. Я бы хотела злиться на это, но внутри — только странная пустота.

— Идиотка, — говорю я себе. — Ты ждёшь, что он напишет? Зачем?

В ответ — тишина. Только шаги за дверью — кто-то из персонала проходит по коридору. Хруст бумаги под пальцами. Я снова открываю ноутбук, смотрю на цифры, пытаюсь заставить себя работать. Я перечитываю один и тот же пункт уже третий раз, но смысл не доходит.

Беру телефон. Открываю чат с Матвеем. Последнее сообщение — то, что он прислал тогда, когда звал меня на концерт. Я не отвечала. Не хотела казаться слишком доступной. Сейчас я смотрю на этот текст, и мне хочется написать ему. Что-нибудь. Любое.

«Привет».

Нет. Слишком просто.

«Спасибо за вчерашний вечер».

Тоже нет — звучит как дежурная фраза, которую говорят, когда не знают, что ещё сказать. Я стираю всё. Кладу телефон на стол экраном вниз.

Внутри — злость. На него. На себя. На то, что он занимает мои мысли.

Пытаюсь снова взяться за работу, но пальцы сами набирают что-то в поисковике: «проклятие Горских». Снова статьи, снова обрывки. Ничего нового. Только то же самое, что я читала вчера.

Закрываю вкладку.

Я встаю из-за стола, подхожу к окну. Прижимаю ладонь к стеклу. Оно холодное, как мысль, что я не могу контролировать то, что происходит в груди.

— Это просто сделка, — шепчу я. — Ты помнишь?

Но слова звучат как оправдание.

За стеклом город течёт дальше. Над крышами плывут облака. Где-то там он тоже сейчас сидит за столом, и я не знаю, думает ли он о том же.

Стекло от пола до потолка. Серое небо вдавливаются в город. Он стоит у окна, руки в карманах брюк. Слышит, как открывается дверь. Слышит её шаги — быстрые, уверенные. Она всегда входит так, будто владеет этим миром. Или думает, что владеет.

— Ты вызывал, — голос Алисы — ровный, без эмоций.

— Ты знаешь зачем.

Она садится в кресло напротив его стола. Скрещивает ноги. Поправляет волосы. Она знает, что красивая. Она знает, что он это видит. Всегда видит. Он не дурак.

— Я не буду играть в угадки, Матвей.

Он поворачивается. Медленно. Взгляд — тяжёлый, как свинцовая пластина. Идёт к столу, садится в своё кресло, берёт планшет. Она смотрит на экран, когда он протягивает его ей.

На экране — она. Или её тень. Фото, на котором она стоит в дверях студии, держит телефон, наводит камеру на Полину.

— Ты, — говорит он. — Это ты слила эти фото.

Алиса не моргает. Смотрит на экран, потом на него. Холодная усмешка.

— Докажи.

— Я уже доказал, — он откладывает планшет. — Вопрос не в том, как я узнал. Вопрос в том, зачем.

— Зачем? — она наклоняет голову. — Ты серьёзно? Ты спрашиваешь меня, зачем я защищаю то, что принадлежит мне?

— Я тебе не принадлежу.

— Ты должен был принадлежать мне, — её голос становится жёстче. — Матвей, мы выросли вместе. Я знаю тебя лучше, чем она. Я знаю, что ты любишь, что ненавидишь, что ешь на завтрак. А она? Она просто девушка из отеля, которую твоя мать выбрала вместо меня. Вместо меня, Матвей.

Он сжимает челюсть. Глаза становятся холоднее.

— Моя мать не выбирала её вместо тебя. Она выбрала её для меня. Это не одно и то же.

— Ты прав, — Алиса поднимается. — Она выбрала Полину, потому что хотела, чтобы ты был с ней. А я — я осталась за бортом. Как ты думаешь, что я чувствую, когда вижу тебя с ней?

— Это не имеет значения.

— Имеет, — она подходит ближе. — Ты женишься на ней, потому что так решила твоя мать. Не потому что ты любишь её. Зачем тебе это, Матвей? Зачем тебе брак без чувств?

Он молчит. Смотрит на неё.

— Ты не знаешь, что я чувствую, — говорит он тихо.

— Знаю, — она смотрит ему в глаза. — Ты делаешь это из долга. Ты всегда делаешь всё из долга. Но ты не должен жениться на ней. Ты можешь выбрать меня. Мы можем быть вместе. По-настоящему.

Он медленно поднимается. Его лицо — каменная маска.

— То, что между мной и Полиной, — это не твоё дело. Ты сделала то, что сделала. Запомни одно — если это повторится, я не буду разговаривать с тобой. Ты просто исчезнешь из моей жизни. Совсем.

Она смотрит на него. Её глаза темнеют.

— Ты не сделаешь этого.

— Сделаю.

В тишине повисает напряжение. Стекло отражает их обоих — она смотрит на него с вызовом, он — на неё с холодной решимостью.

— Ты ещё пожалеешь, Матвей, — она берёт сумочку, направляется к двери. — Когда поймёшь, что она никогда не сможет дать тебе того, что могу дать я.

Дверь закрывается за ней. Звук шагов затихает в коридоре.

Он остаётся один.

Смотрит на планшет. На фото. На неё.

«Зачем тебе брак без чувств?»

Её слова застревают в голове. Он не знает ответа.

Он поворачивается к окну. Город под ним дышит серым туманом. Он думает о Полине. О том, что она делает с ним. О том, что он сам не понимает, что происходит.

Дверь в кабинет открывается без стука. Я знаю, кто это, даже не поднимая головы. Только он входит так — шумно, тяжело, как будто он не человек, а грузовик, который влетел в помещение.

— Полин, — голос Егора, счастливый, возбуждённый. — Ты не представляешь!

Я поднимаю глаза. Он стоит в дверях, улыбается от уха до уха. В руках — папка с документами. Он выглядит так, будто только что выиграл в лотерею.

— Что? — я откидываюсь на спинку кресла.

Он подходит, кладёт папку на стол, открывает её. Внутри — бумаги. Счета. Отчёты. Цифры, которые выглядят так, будто кто-то их перекрасил из красного в зелёный.

— Посмотри, — он тычет пальцем в строчку. — Они перечислили деньги. Всё, что мы просили. И даже больше.

Я смотрю на цифры. Сердце пропускает удар. Сумма на счету больше, чем я видела за последние три года. Мы могли бы закрыть все долги. Мы могли бы дышать.

— Это всё «Сияние», — продолжает Егор. — Они перечислили аванс. Говорят, что это часть финансирования отеля. Мы теперь можем закончить стройку. Можем нанять персонал. Можем...

— Я знаю, — перебиваю я.

Он замирает. Смотрит на меня.

— Ты не рада?

— Рада, — я убираю руки от стола и закрываю папку. — Конечно, рада. Мы выжили.

— Тогда почему ты так выглядишь?

Я не отвечаю.

Я смотрю на папку, на цифры, на его счастливое лицо. Он не знает. Он не знает, сколько это стоило. Он не знает, чем я плачу за эти деньги. Он думает, что это просто удача. А я знаю, что это — цена. Моя цена.

— Я просто устала, — говорю я.

— Полин...

— Всё хорошо, Егор. Я рада. Правда.

Я встаю, подхожу к окну. Смотрю на город. Где-то там — он. Матвей. Тот, кто подписал эти бумаги. Тот, кто спас наш отель. Тот, кто даже не знает, что я чувствую сейчас.

— Мы теперь можем дышать, — говорит Егор за спиной.

— Да, — отвечаю я. — Можем.

Голос звучит ровно, но внутри — горечь. Я знаю, что эта свобода стоит мне другой. Моей. Но я не говорю этого.

Я слышу, как он закрывает папку. Как его шаги направляются к двери.

— Спасибо, Полина, — говорит он. — Я знаю, что ты сделала.

— Не за что.

Дверь закрывается. Я остаюсь одна. Смотрю на свои руки. Они лежат на подоконнике — неподвижные, холодные. Я сжимаю их в кулак.

— Это просто сделка, — шепчу я. — Ты помнишь?

Но я не верю себе.

Малая гостиная утопает в полумраке. Шторы затянуты, свет пробивается только через щель в тяжёлой ткани, оставляя на паркете золотую полосу. Татьяна сидит в кресле у камина, в руках — чашка с недопитым чаем. Она держит её, но не пьёт. Ждёт.

Дверь открывается, и Алиса входит, неся с собой запах духов и холод уличного воздуха. Она не здоровается. Просто садится напротив, закидывает ногу на ногу, смотрит на Татьяну с вызовом. Она знает, зачем её позвали.

— Я знаю, — говорит Татьяна, не поднимая глаз. — Ты думаешь, я не узнаю? Ты думаешь, у меня нет глаз в этом городе?

— Не понимаю, о чём вы, — Алиса поправляет волосы, но голос дрожит.

— Перестань, — Татьяна поднимает на неё взгляд. Холодный, стальной. Таким взглядом смотрят на тех, кто уже проиграл. — Фото. Студия. Ты. Я знаю всё.

Алиса молчит. Её пальцы сжимаются на сумочке. Она не отводит взгляд, но я вижу, как её дыхание становится глубже.

— Я не позволю тебе разрушить её репутацию, — говорит Татьяна. — Ты слышишь? Это не твоя игра.

— А чья? — Алиса подаётся вперёд. — Ты выбрала её. Ты. Не я. Ты знаешь, что я лучше. Ты знаешь, что я подхожу ему. Что я могу дать ему всё, что нужно. Но ты выбрала её.

Татьяна ставит чашку на стол. Медленно. Её лицо остаётся спокойным.

— Ты получишь то, что хочешь, Алиса, — говорит она тихо. — Просто наберись терпения. Как когда-то сделала я.

Алиса смотрит на неё. В её глазах — вопрос. Но она не задаёт его.

Татьяна откидывается на спинку кресла и смотрит в пустоту. Внутри — голос, который слышит только она: «Ты получишь то, что хочешь, Алиса. Просто наберись терпения. Как когда-то сделала я. Терпение всегда приносит плоды. Терпение — это оружие сильных. Оно ломает ту, что стоит на твоём пути. Ты будешь ждать. Ты будешь смотреть, как она падает. А потом ты поднимешься. Как когда-то поднялась я».

Алиса поднимается. Поправляет платье. Смотрит на Татьяну с холодной благодарностью.

— Хорошо, — говорит она. — Я подожду. Но если она сделает ещё один шаг в его сторону, я не сдержусь.

Она выходит. Дверь за ней закрывается.

Татьяна остаётся одна. Она смотрит на чашку с остывшим чаем. Проводит пальцем по ободку.

— Ты не знаешь, Алиса, — шепчет она в тишину. — Ты не знаешь, как долго я ждала. И как я ждала. Твоя очередь — ещё не пришла.

Она подходит к окну и смотрит в сад. За стеклом — осень. Жёлтые листья падают на дорожки. Где-то там, за воротами, живут её сыновья. И одна из них — та, кого она не любит. И та, кому суждено пасть.

Она улыбается.

Очень тихо.

Гостиная тонет в теплом свете свечей. Стол накрыт на четверых — белая скатерть, фарфор, серебряные приборы. За окном уже ночь, в саду шуршат сухие листья.

Константин сидит во главе стола, неторопливо нарезает мясо. Рядом с ним — Татьяна, она почти не прикасается к еде. Матвей — напротив отца. Даниил — рядом с братом. Семейный ужин — ритуал, который они соблюдают, даже когда внутри всё кипит.

— Я думаю, нам нужно пригласить Полину в гости, — говорит Константин, поднимая голову.

Тишина. Татьяна застывает с вилкой в руке. Матвей не поднимает глаз. Даниил усмехается.

— Хорошая идея, — говорит он. — Я уже скучаю по её шахматным партиям.

— Я не об этом, — Константин смотрит на жену. — Она скоро станет частью нашей семьи. Она должна чувствовать себя здесь как дома.

Татьяна откладывает вилку. Её голос — ровный, но я слышу в нём напряжение.

— Мы уже обсуждали это.

— Мы обсудили свадьбу, — Константин поправляет салфетку. — Я говорю о том, чтобы она просто пришла. Поужинала с нами. Поговорила. Поняла, что здесь её не ждут с камнями за пазухой.

— Я не думаю, что это хорошая идея, — Татьяна берёт бокал с водой. — Сейчас неподходящее время. После того скандала с фото...

— Тем более, — перебивает Константин. — Она должна знать, что мы не отвернулись от неё из-за какой-то глупости.

Матвей молчит. Он смотрит в тарелку, но я вижу, как его пальцы сжимают нож.

— Я согласен с отцом, — вдруг говорит он. Все поворачиваются к нему. — Если она будет моей женой, она должна быть здесь. Это логично.

Татьяна смотрит на него. Я вижу, как её глаза темнеют.

— Хорошо, — говорит она. — Пусть приходит.

Константин кивает, удовлетворённый.

— Отлично. Завтра. Я позвоню Наталье.

Ужин продолжается. Но воздух становится плотнее. Татьяна не говорит ни слова. Матвей молчит. Даниил смотрит на брата с лёгкой улыбкой.

За окном падают листья.

Где-то в доме слышен скрип половиц. Как будто кто-то ходит.

Дом Горских встречает её тишиной. Только где-то на втором этаже слышны шаги, да за окном шуршит ветер в голых ветвях. Она стоит в холле, сжимая в руках пальто, и чувствует, как этот дом — огромный, тёплый, живой — потихоньку становится ей знакомым.

— Полина, — голос Татьяны раздаётся из гостиной. — Проходи.

Она идёт на голос. Татьяна сидит в кресле у камина, на столике перед ней — чай, на подносе — два бокала. Она не улыбается, но и не хмурится. Она просто смотрит, как Полина входит.

— Я рада, что ты пришла, — говорит она, но голос звучит ровно, без эмоций. — Садись.

Полина садится напротив. Чай горячий, с мятой. Она держит чашку, но не пьёт.

— Я хочу, чтобы мы прояснили кое-что, — Татьяна откидывается на спинку кресла. — Фото. Тот скандал. Я знаю, что это не ты. Но я хочу, чтобы подобного больше не повторилось. Ты понимаешь, о чём я говорю?

— Я не контролирую, что другие делают с моими фотографиями.

— Я говорю не о том, что делают другие, — Татьяна смотрит на неё в упор. — Я говорю о тебе. Ты — будущая жена моего сына. Ты должна быть выше этого. Не давай им повода.

Полина молчит. Она не хочет спорить. Она просто кивает.

— Хорошо, — говорит она. — Я поняла.

В гостиную входит Константин, потирая руки.

— Полина! — его голос звучит тепло, почти по-отечески. — Отлично, что ты пришла. Я как раз искал партнёра для партии. Ты не против?

Она улыбается, и впервые в этом доме её улыбка — настоящая.

— Я не против.

Они садятся за шахматный столик. Константин расставляет фигуры, пододвигает к ней белые. Она смотрит на доску и чувствует, как внутри просыпается азарт. Игра — это её стихия. Здесь она не может ошибиться. Здесь всё зависит только от неё.

Они играют молча. Константин хмурится, когда она берёт его слона. Он усмехается, когда она жертвует пешку. Он делает ход, и она видит, что он пытается загнать её в угол. Но она находит выход.

— Мат, — говорит она через сорок минут, ставя короля на доску.

Константин смеётся.

— Ты меня обыграла. Опять. Когда-нибудь я возьму реванш.

— Когда-нибудь, — улыбается она.

Она помогает накрывать ужин. На кухне — привычный запах трав, специй и тёплого хлеба. Зоя Васильевна уже здесь, она молча кивает Полине, протягивая ей нож для зелени. Полина работает быстро, ловко, как будто всегда это делала.

— Ты уже как дома, — замечает Зоя.

— Почти, — отвечает Полина.

Её пальцы режут петрушку. Запах свежей зелени смешивается с ароматом супа, который варится на плите. Где-то в глубине дома слышен смех — Даниил и Матвей о чём-то спорят. Она ловит себя на мысли, что этот дом перестает быть чужим.

Но внутри — холод. Потому что она знает, что это всё — часть игры. И кто-то из них не играет по правилам.

Я не знаю, зачем поднялась на второй этаж. Может быть, чтобы скрыться от Татьяниного взгляда. Может быть, чтобы просто побыть одной. Но когда я прохожу мимо его комнаты — я останавливаюсь.

Дверь приоткрыта. Щель в полпальца. Я заглядываю внутрь.

Комната Матвея. Книги до потолка. На столе — ноутбук, бумаги, пустая чашка. Пахнет деревом и чем-то тёплым, что я узнаю за секунду. Я не должна входить. Но я делаю шаг.

На полу у кресла — мяч. Старый, потёртый, с облупившейся кожей. Я наклоняюсь, поднимаю его. Он тёплый от света, который просачивается сквозь щель в шторах. Я провожу пальцами по швам.

— Это был мой мяч.

Голос за спиной. Я вздрагиваю. Поворачиваюсь.

Матвей стоит в дверях. Чёрная рубашка, рукава закатаны. Он смотрит на мяч в моих руках, потом на меня. Его глаза — тёмные, без холода. В них — что-то другое. Я не знаю, что это.

— Ты всегда заходишь без спроса?

— Ты всегда оставляешь дверь открытой?

Он усмехается, и уголок его губ дёргается. Он закрывает дверь, но не до конца. Я слышу щелчок замка.

— Ты пришла за мячом или за мной?

— За мячом, — я протягиваю ему мяч. — Он лежал на полу.

Он не берёт. Делает шаг вперёд. В комнате становится тесно. Воздух — гуще, он давит на плечи, застревает в горле.

— Я вернул работу той девушке, — говорит он.

Я поднимаю голову.

— Лене.

— Зачем?

— Решил пересмотреть правила.

Я смотрю на него. Я не ожидала. Он не должен был. Мы смотрим друг на друга, и в тишине между ними повисает что-то тёплое, почти осязаемое.

— Я переоденусь, — говорит он. — Ты будешь здесь или уйдёшь?

— Я подожду.

— Как хочешь.

Он стягивает рубашку через голову. Я отворачиваюсь к стене, но я чувствую его рядом. Чувствую, как он двигается, как ткань шуршит, как воздух в комнате становится другим — горячим, тяжёлым.

— Ты чего? — его голос — с лёгкой усмешкой.

— В комнате стало жарко.

— А что такого? Я просто переодеваюсь.

Я слышу его улыбку. Я знаю, что она сейчас на его лице.

Звонит телефон.

— Подай мне его, — говорит он.

Я беру телефон с тумбочки, протягиваю ему, не оборачиваясь. Его пальцы касаются моих. Горячие. Он задерживается на мгновение дольше, чем нужно. Я чувствую это.

Я не успеваю отойти.

Он прижимает меня к стене. Его руки на моей талии, его тело — горячее, твёрдое, так близко, что я чувствую, как бьётся его сердце. Или это моё? Я не могу отличить.

— Разве ты зашла в мою комнату, — его голос — ниже, с хрипотцой, от которой у меня перехватывает дыхание, — не для того, чтобы уединиться со мной?

— Откуда у тебя такие мысли берутся?

— Они берутся, — он наклоняется, и его губы почти касаются моих, — когда я вижу, как ты смотришь на меня.

Я смотрю в его глаза. В них — огонь. Тёмный, глубокий, такой, что я чувствую его кожей.

Он почти целует меня. Я чувствую его дыхание на своих губах — тёплое, сбивчивое. Его пальцы сжимают ткань у моей талии. Я чувствую, как его ладонь скользит по моей спине, останавливаясь там, где бьётся пульс.

Я поднимаю руку и касаюсь его груди. Останавливаю.

— Ты так сильно этого хочешь? — я смотрю в его глаза, чувствуя, как голос срывается на шёпот.

Он улыбается. Медленно. Чуть насмешливо. В его глазах — жар, который обжигает даже без прикосновения.

— А что такого? — его голос — низкий, хриплый. — Мы женимся.

Он наклоняется ближе, и я чувствую, как его дыхание касается моей кожи. Я чувствую, как его пальцы сжимаются на моей талии, притягивая меня ближе. Я чувствую, как всё внутри переворачивается.

— Будем сохранять традиции, — говорю я. — Никакой близости до свадьбы.

Он смотрит на меня. В его глазах — удивление. Потом — что-то вроде восхищения. Или это только мне кажется.

— Ты думаешь, что выдержишь?

— А ты?

— Я могу ждать.

— Я тоже.

Я отодвигаю его. Медленно. Прохожу к двери. На пороге оборачиваюсь и смотрю на него с победным взглядом.

— Ты меня недооцениваешь, Матвей Горский.

— Возможно, — отвечает он.

Я выхожу из комнаты. Закрываю за собой дверь. Иду по коридору, не оборачиваясь.

Внутри — всё перевёрнуто. Я чувствую его взгляд сквозь закрытую дверь.

Я знаю, что он не сводит с меня глаз.

Я знаю, что я тоже не свожу с него.

Я спускаюсь в гостиную. В камине горит огонь, золотистый свет ложится на старую мебель, на полированный деревянный пол. Я прохожу мимо камина и замечаю фотографию в деревянной рамке. Она стоит почти незаметно, скрытая за вазой с сухими цветами. Я останавливаюсь.

Я узнаю это лицо.

Та женщина. Та, что стояла у окна и смотрела на меня. Та, что появлялась в зеркале заднего вида. Я протягиваю руку, беру рамку. Стекло холодное. На фото — молодая женщина, тёмные волосы, светлое платье. Она улыбается в объектив.

— Кто это? — спрашиваю я, не оборачиваясь.

Матвей подходит ближе. Смотрит на фотографию.

— Одна из родственниц. Давняя история.

— Она умерла?

— Да.

Я смотрю на фотографию, чувствуя, как по спине пробегает холод.

— Идём, — говорит он. — Я провожу тебя до машины.

Я ставлю рамку на место, отхожу от камина, и мы выходим из гостиной.

Мы проходим через холл. Здесь тихо, только часы тикают на стене. Свет приглушённый, падает на старые портреты, на массивную лестницу, уходящую на второй этаж. Мои шаги гаснут в ковре. Его — слышны, чёткие, тяжёлые.

Я не оборачиваюсь. Но я чувствую, что за нами кто-то смотрит.

Я не вижу её. Я просто знаю — она там.

Она стоит у лестницы, в тени, которая падает от высокой колонны. Её платье почти сливается с полумраком. Она смотрит на нас. На меня. На него. Её лицо — бледное, спокойное. Она улыбается. Наблюдает.

Матвей открывает дверь, и холодный воздух врывается внутрь.

— Ты чего замерла? — он смотрит на меня.

— Ничего, — говорю я. — Просто показалось.

Я переступаю порог, и дверь закрывается за нами.

Она остаётся там. Внутри. Стоит в холле и смотрит нам вслед. Сквозь стекло. Сквозь время.

И улыбается.

КОНЕЦ ГЛАВЫ 6.

ГЛАВА 7. «Там, где кончается лёд».

Свет пробивается сквозь щель в шторах. В комнате — тишина, которая давит на плечи. Сон был тяжёлым. Она стояла в углу. Смотрела. Молчала. Ни слова, только взгляд, от которого по коже бегут мурашки.

Пальцы касаются дневника — кожаная обложка, потёртая, холодная. Те же строки, те же обрывки. О женщине, о любви, о том, что потеряно навсегда. Она не знает, что ищет. Чувствует только: ответы близко.

В голове — другое лицо. Его лицо.

Как он смотрел на неё в той комнате. Как его пальцы сжимали ткань на её талии. Как он наклонялся, почти касаясь губ. «Мы женимся». Голос — низкий, хриплый. От него внутри всё переворачивается.

Она закрывает глаза, но не может прогнать это. Его дыхание. Его руки. Его глаза, в которых она почти утонула.

Она зажмуривается сильнее. Открывает. Смотрит в угол комнаты.

Пусто.

Но воздух — холодный. Слишком холодный, как будто кто-то только что стоял там. Призрак — она чувствует его присутствие. Знает, что он где-то рядом. И эта мысль застревает под рёбрами, не давая дышать.

— Прекрати, — шепчет она в пустоту.

Но он не уходит. Он остаётся там, в её голове, в её груди, под рёбрами, где бьётся сердце.

Она встаёт, сбрасывает ноги на холодный пол. Паркет — ледяной, отрезвляющий. Идёт на кухню, заваривает кофе. Пьёт стоя, глядя в окно. Город за стеклом — серый, мокрый, чужой.

Внутри — злость. На него. На себя. На призрак, который не даёт покоя. На то, что он занял слишком много места там, где не должен был появляться.

Кружка звенит о металл мойки. Ключи — в руке. Дверь захлопывается за спиной с глухим стуком.

В кабинете отца тихо. Только часы на стене отсчитывают секунды, и где-то в коридоре слышны приглушённые голоса персонала. Она сидит за столом, но не работает. Перед ней — открытый ноутбук, пустой поисковик.

Пальцы застыли над клавиатурой.

Глубокий вдох. Медленный выдох.

Пальцы набирают: «Константин Горский первая жена смерть».

Страница загружается. Сначала — пустота. Потом — одна ссылка. Старая, почти забытая, с заголовком: «Смерть в богатом доме: что скрывает семья Горских?»

Полина открывает. Читает.

Статья короткая. Без имён. Без подробностей. Только факты: «Молодая женщина, жена наследника корпорации «Сияние» Константина Горского, погибла в результате автомобильной аварии. Обстоятельства произошедшего не разглашаются. Семья Горских отказалась от комментари

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.